

XX $\frac{101}{1}$

ВЫДАЕТСЯ
10 КОП.

6

1929

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МОЛОДЕЖЬ НА ПЕРЕВЫБОРАХ СОВЕТОВ
Комсомольский карнавал

ЧИТАЙТЕ в настоящем номере очерк
„Легкая кавалерия“ в действии

СТИХОТВОРЧЕСТВО

Под редакцией В. ПЯСТА

ВТОРОЙ КОНКУРС БУРИМЭ

Получено 80 писем, содержащих свыше 200 буримэ. Большая часть из них внимательно изучена, прислана на I-й конкурс. Однако многие из них страдают отсутствием размера, часто «наслаив» над удереяними, в силу погрешности.

«Песня шахтера», «Фото-эпид — Ребенку», «Физкультура» — со стороны размера правильны, это в других отношениях несприемлемы. В первом — то лям крокет рвется метелью, во втором неудачно: «славаши» смотрят слабо, метелью на мои «славаши» — идеал и пель (?)». «Физкультура» употребляет пра-славянскую форму: «ноузаду» про черны глазики. Малопонятно буримэ Бушана.

«Стихи «Есть» («Карахо») были бы хороши, если бы не «глазики»:
После буря Октябрьской, когда мы в метель,
Крепко брамы вагули пропальи! славаши...
У меня все светлей и светлей, отыры-
ваюся глазики...

У О. КУЗЬМИНСКОГО — в другом роде, но по-оному неплохот:

В старом гроте улыбаются глазики,
Поездуй и ласки... А метель,
Звенюса парные славаши...
Обмая у нас с tobom пель!...

Вот начало — жеше всякой критики.

А. ПЕРШИН на Ленинграда хорошо начивает:
В шубенке теплой, без перчаток
Вывоху тихо ехал в грот,
За ним — пошолова отпечаток...
А дальше — бри-как пяхок...
«Чангар» кончает:

Как нашу кошкуню — славаши
Уверенно двигает в пель (?)
Тыл не говорю...

Л. Ч. «Ударим по мещанству» — стихки со смыслом, но очень неудачно в звуковом отношении. «Быстрей свергнотим им весь набок славаши» — 4 ударения под ритм, в этом нет слова «уделно», есть только «шувель».
«Ишанж — Фидон — Прыщак» (кстати, этих «близнов» прислал штурв 0), присланный под девизом: «Хотя и не поэт, но...» — не обратан в середине.

Наложил на него отпечаток,
Подползла мещанства крош...
Вашинком искусственно. А в общем стихки не плохи.

У Мих. СОРОКИНА — своих лапок отпечаток, «Привалет» (?) Пыше глазики — портит безудное «Зимой». У него в «Холодной квартире» — неудачное выражение: «Слезы смачивают глазики (а стихки неплохи).

Наскоид «Репение» А. БАГДЕЯ дачивается очень неудачно:

Дерева оделсны гирляндами снежных перчаток.
Нап сад превратился в волшебной сверкающий грот...

Но кончатся: Мы помчима пуда, где виднется пель (?)
Кончатся тепло и буримэ «Зимой» (лев.
Номе Sapiens); И ползает летт с комьями славаши,
Чтоб поправить крышу и оконить пель...

Его же «Золотонекатель с Клоундайк» кончается приемлемо:
Пусть или смерть — иль желанная пель...
Но совершенно невозможно:
И ползает летт с комьями славаши...

Буримэ «Первого Старта» открывают серию избранных для печати:

I. МОЙ ПРОБЕГ

Руки вырвали в непра перчаток —
Ревные рыбы юркунги в грот...
Старт!.. И пошел ал...

Пальцами взрывы — на снеге... (Прог
Так не уродует луфт)... И глаз кидашоных
взгляды мои в метель — четок бросок... И, как славаши, —
мысль быстра: «нобеда — пель»
Помешает также:

И «ИНОСТЬ» (В. Д.)
И помню шельк ео перчаток,
В ветках вес есеней снежной грот,
В душе был счастья отпечаток
И в сердце райсы старты крог.
И видел голубые глазики,
О гроты катясь с ней в метель,
Звенела по ступе славаши,
Стремля в несомудую пель...
Надо бы ей несомудой пель... Но... поэтически
вольность здесь тудя-скода...

III. «ЗЕМЛЯК ИЛЬИЧА»

И руки солдав без перчаток,
Пуготный оставил я грот,
Земли утваса отпечаток,
Как вору покинущий крог.
Уже аведла блещет одиоголазия,
Утихла «свая метель»,
И древно ты владу на славаши,
Турима прелесудя пель

IV. «НЕ В СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ»

Вев немных без перчаток
И работ черной Грот
Старо-русский отпечаток
Изучил, как роет крог,
И любовью вледи глазики
Но влекли его в метель,
Привалет зайво славаши,
Зная одну нушко пель.

V. ЗИМА (девица «Анчар»)

От возни и смеха жарко без перчаток...
Оддыхать рещили — в шаг любимый грот.

1 Я. Грот — известный лингвист, автор трудов по русской грамматике и правописанию.

На снегу узорный лапок отпечаток,
Сядет ушапей ветки... Снег блещит...
... Как крог,
От свершания снега ужо шурю глазики.
... Вдурт — с задегой елки пышка...
Метель...
— Ну, ребята, кто — на горку, на салазки?
Радост и аздорные — будет наша пель.

VI. В РЕСТОРАНЕ (то же)

Обищант — воплощение перчаток,
В садике чинном беседа и грот.
Лестра... Пыгани... На воем отпечаток
Роскови, чыпанты... Ховин, как крог,
Шурит салыметныи славаши глазики.
Сринги славаши, как в поле метель,
Радом кому то «вагули славаши»,
Види по морде и несю — и в пель!

VII. ВЕСИРЬЮБНЫЙ (девица «Моя принцесса»)

Нет, никогда не носил в перчаток,
Домом мой служить разурянный грот;
Гривы всегда на лице отпечаток
Есть ли потому, что я ровок, как крог...
Но я надеюсь, что женские глазики
Может заметит, как мершун в метель.
Домы навором, поларит славаши...
С ним остану я — вот моя пель.

VIII. КУЗНЕЦ (девица «Золоток») (Омолчане избранных «Буримэ» в след. номере).

На жезе без кожаных перчаток;
Мыл зноной кузними мое грот.
Есть ли потому, что я ровок, как крог...
То мастер здесь — не жалкий крог,
Любю и горюв аждых глазики,
Любю пышиных неср метель,
Зимой, когда летит славаши,
У наковалии зная пель.

РЕЗУЛЬТАТ КОНКУРСА ПАЛИНДРОМОВ.

Первой премией книга издания «Мол. гл.» на 8 рублей награждается конечно автор длинной поэмки палиндромы — «Охота на кибаны, впечатанно» и № 3, С. М. Вилдны. Вторая премия (то же на 5 р.) присуждается П. Змейкову (№ 23 за 1928).

Третья премия (то же на 2 рубля каждому) делится между А. Караченцевым (№ 3) и Мельниковым (тоже).

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ

А. В. Белковичу, Ваша «вольная переделка» стихотворения «Мой костер в тумане светится» относится к типу пародий. Но ведь пародия по своему же должна быть по содержанию иезначительна, чем их оригинал. Вы же на «сыгнанный мотив» даете серьезное стихотворение о войне. Сопоставьте — неудобо.
А. Караченцеву, Как ни рассталил знаки в вашей «Репение», — смейся ео не углубляйтесь. При ваших знаках оно забавнее.
Игорюму участнику «Сторонины», «Привалие» рифмуется со словом «морозные» или лучше «вороз еше», а не с несуществующим словом «вранияны». В этой игре анонимности ент к чему?

ПЕРВАЯ ТЮРЬМА

(Перенос со стр. 3)

Эти стены дышат, будто тисками. Разве покоичить с собой? — является мьял. Но в стенах тюрьмы нет ни гвоздя, ни крючка. Окно и решетка высоки. Нельзя прицепить петлю. Начальство тюрьмы, зная, какое настроение может охватить заключенного, не дает ему ни ножа, ни вилки. И для супа, и для мяса, разрезанного на куски, дается лишь одна деревянная ложка. Нет ни осколка стекла, ни черепка посуды. Остается ударить головой об стену. В отчаянии, охватившем меня, с размаху я ударюсь головой об стену и падаю на пол.

Через несколько дней, придя с прогулки, я нашел у себя на столе библони и житее святих.
— Странным арестантам, — объяснил мне введший в этот деп в камеру ротмистр, начальник тюрьмы, — по тюрьному уставу полагается выдывать для чтения здесь лишь книги духовного содержания. Но если вы исправитесь, — добавил он, — и дадите показание, мы вам начнем выдывать и светские книги.

Это был молодой жандармский офицер, по фамилии Подарский. У него была наружность фата, выхоленные руки, не знающие мозолей.

Прошло лето с его зорями, солнечным блеском и теплыми ночами. Началась дождливая питерская осень. Дни становились

короче, а ночи мрачней и длинней. Прошло больше месяца, как я сидел над библией. Срок очевидно достаточный, но мнению начальства, чтобы повлиять на ход мысли рабочего. Жандармский ротмистр Подарский однажды вошел ко мне и с хитрой улыбкой начал:

— Здравствуйте, хорошо ли вам? Довольны ли?
— Странный вопрос, — ответил я. — Возможна ли вещь, чтобы человек, которого послали в тюрьму, которому не дают свиданий, которого лишили чтения книг, чтобы такой человек был доволен!
— Но зачем же чистосердечно не сознаться? Это облегчило бы вашу участь, и вас может быть даже выпустили бы и на свободу.
— Мне не в чем сознаваться. Меня обвиняют в самых невероятных вещах, которые мне и не снились.
— Я вижу, что вам не пошло на пользу чтение святого писания. Вы попрежнему ожесточены. Только напрасно все это. Это вам не принесет никакой пользы. Напрасно вы упорно заперяетесь. Мне господни полковник говорит, что ему все до последних мелочей о вас известно. И вообще зачем на являться в это дело? Жили бы себе мирно. Служили бы. Вот и службу родите.
— Мы, рабочие, не служим, мы работаем. Но тяжелая наша жизнь. Я вижу только одно горе. Мне доставалось не розы, а шпы в жизни. Вы утверждаете, что вы служите родине. Но это еще вопрос. Это еще история докажет, что из нас служит родине, — вы или я?
Ротмистр казался ошеломленным моим ответом.

С М Е Н А

двухнедельный иллюстрированный
комсомольский журнал ЦК и МК ВЛКСМ

ГАЛОЧИЙ ГРАЙ

Стихотворение Александра СОЛОВЬЕВА

Опять начинается
Сочиться и жечь
Галчиного грая
Горячая речь.
Над садом и домом
Нагрянул — упрям
Горячечный гомон,
Ликующий гам!
На выступы зданий
Мечет — полет,
Сумбур восклицаний,
Перо и помет.
И кинулась туча,
Смотрю из окна:
Повиснув на сучьях,
Грохочет она.
Прекрасная стая —
Хвосты и бока,
Пылит ледяная
С деревьев мука...
Но бурным беспутем

Подавлен и хмур,
Высокою рутью
Грозит Реомюр.
Вот низом, в потемках
Дорожный излом
Слизнула поэмка
Сухим языком.
И в зыбь пересвиста,
Косматый смугляк,
Сугробы на приступ
Кидает бурани!
В дыму катавасий,
Ударив в упор,
Птичий он гасит
Пламенный вздор.
Но кинулась тупо,
Метнулась... и в дали!
И кутает купол
Крылатая шаль.
И галочки — сочно,
Прозрачные льда

В сумятице склочной
Сверкают альта..
.....
Дрожа и зажмурясь
Над пропастью сна,
Я слышу: сквозь бую
Запела струна!
И вдруг за стенами,
Частушек огонь
Крутыми мехами
Раздул гармони!
Рассыпчатый, птичий
Неистовый гам,
И гомон — девичий
Плывут по снегам!..
Знать, бури удары
Лишь тешат мой край,
Горячий и ярый,
Как галочий грай!

с. Ардатово

ПОПОВСКАЯ ДОЧКА

Стихотворение Василия ШАПКИНА

Почему-то в этот вечер,
В теплом трепете теней
Я не жду горячей встречи
У лохматых тополей?
А недавно, алым летом,
Вместе с ласкою витой
Вились мысли хмельным цветом
У косынки голубой.
В кружевах седых берез —
Эх! бывало, карей nochкой
И гульнешь с поповской дочкой,
Что была цветистой звезд
И любила плавить хмелем
Губ малиновую ледь
И с серебряным весельем
Под басы гитары петь...
Был я мил поповской дочке,
Да за то лишь не любим,
Что на вышитой сорочке

Прицеплял лучистый „КИМ“.
И частенько звездной зорькой,
Уводя за частокон,
Все шептала мутью горькой:
„Милый, брось же комсомол...
Ведь пора тебе бы знать уж
Волю старого отца...
„КИМ“ не бросишь — выиду замуж
За другого молодца“...
Словно пьяные зарницы,
Взбились мысли в мутный ров...
И решил — забыть ресницы,
Задуть надежды снов...
.....
И забыл... Да разве может
Комсомольская рука
Сжать курок, коль мысли гложет
Дочка сельского дьяка!..
Разве мыслей волоконца

Девки не найдут милей,
Чтоб была алее солнца,
С русым ворохом мудрей...
Чтоб считала за потеху
Церкви выцветшей венец...
Захлебнется в кольцах смеха
Удаль кованных сердец...
Заживу с своей молодой,
Да и сердцу дам приказ,
Чтоб могло звенеть чечеткой
У колодцев карих глаз...
.....
Я сегодня в этот вечер,
В теплом трепете теней
Уж не жду горячей встречи
У поповских тополей...

с. Боровка

В Петербурге накануне 1905 года.

ПЕРВАЯ ТЮРЬМА

Из воспоминаний А. ШАПОВАЛОВА

ВОСПОМИНАНИЯМИ А. ШАПОВАЛОВА РЕДАКЦИЯ „СМЕНЫ“ ОТКРЫВАЕТ ПЕЧАТАНИЕ ЦИКЛА НАИБОЛЕЕ ЯРКИХ И ХАРАКТЕРНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ СТАРЫХ БОЛЬШЕВИКОВ.

События, описываемые ниже, относятся к 90 г. Это были годы первых шагов рабочего движения в России и возникновения революционного марксизма на смену отжившему свое время народничеству. Идейными центрами этого движения были тогда „Петербургский союз борьбы за рабочее дело“ — в России и „Группа освобождения труда“ — в эмиграции. Знаменитая стачка петербургских ткачей в 1896 году, о которой говорит автор воспоминаний, была подтверждением того, что в России действительно выступает на историческую арену новый класс — пролетариат. А. ШАПОВАЛОВ является одним из первых рабочих-революционеров, о своей жизни рабочего-подпольщика он рассказывает в книгах: „ПО ДОРОГЕ К МАРКСИЗМУ“, „В ПОДПОЛЬЕ“, „В ИЗГНАНИИ“.

ВЫХОДЯ из дому, я принимал, как мне казалось, все меры предосторожности. Я наблюдал, нет ли слежки. Мне казалось, что ее нет, а она была. Последние дни стачки за мной следил очень искусно, шаг за шагом. Но никто не стоял против ворот дома, где я жил, никто не следовал за мной тотчас же по выходе моем из дома. Но я не замечал, что как раз против ворот дома, где я жил, из окна противоположного дома, из квартиры второго этажа, все время за мной наблюдали агенты охраны. Как только я выходил из дома № 24 и, не замечая ничего, шел спокойно, в это же самое время агент-фидер выходил на параллельную (с моей Астраханской) Саратовскую улицу и догонял меня или на Финляндском проспекте, если я шел влево, или на Клинической улице, если направлялся направо. Эта слежка за мной была настолько искусна, что я ничего не замечал.

Будучи принужден ежедневно бегать из одной рабочей окраины в другую, я имел обыкновение заходить в трактиры, которых имелось большое количество в Петербурге. В каждом трактире помещене делалось на „дворянский“, или „чиштую“, и „черную“ половинки. Половые подавали „спару чая“ за 12 и 6 копеек. Этими трактирами я пользовался для устройства свиданий, и даже прокламации иногда удавалось передавать в них. Когда гремела так называемая „машинная“, фальшиво наигрывая какой-нибудь мотив, совершенно не было слышно, о чем мы говорили.

Однажды к вечеру, когда я на набережной реки Невы, недалеко от Сампсониевского моста, оживленно передавал тов. Шестопазову сведения о ходе стачки, оглянувшись, я вдруг заметил за высокой железной решеткой, на которую я опирался и которая окружала сад и особняк какого-то богатого, грязную фигуру передатого жандарма, который на коротких прыжках между кустов и деревьев, отделявших его от нас, с явным намерением подслушать наш разговор. Местность была здесь довольно пустынная. Прохожих почти не замечалось. Мы все время стояли спиной к решетке, и он очевидно рассчитывал нас подслушать.

Его смущение и страх, выразившиеся на его лице, как поймавшего на месте преступления, его поза, как подкрадывавшегося к нам человека, его стремительное бегство, когда он понял, что он раскрыт, — все это ясное ясно говорило за то, что этот тип являлся агентом охраны, и не менее красноречиво говорило, что за нами установлено наблюдение.

Дело оборачивалось плохо. Торопливо передав тов. Шестопазову последние сведения и взяв от него целую кипу только-

что отпечатанных прокламаций, мы разошлись в разные стороны, обещав предупредить всех об обнаруженной слежке и принять все необходимые меры.

Хотя день клонился к вечеру, возвращаться с прокламациями домой было бы безумием. Их необходимо было как можно скорее кому-нибудь сдать, где-нибудь спрятать.

Быстрым ходом направился я в противоположную сторону, к устью Невы, где за широкой в этом месте грядло реки виднеются эллинги Балтийского казенного завода. Я подошел к тонуям, где закидывали в воду сети и вытгивали их, наполненные рыбой, при помощи ворота. Сюда же к пристани на яликах по высоким гребням волн возвращались пошавившиеся рабочие Балтийского завода. Солнце уже закатилось совсем, гас закат, на одном из последних челнов я заметил среди группы рабочих Петра Виноградова, который, стоя, размахивал руками, и, как видно, по обычаю агитировал. «Эй, Петя, что руками машешь?» — раздался голос с берега. Это один его знакомый кричал. Петя, оглянувшись и оборвал свою речь. И было во-время: когда ялик врезался в придорожный песок, из-за угла повлился конный разезд казаков.

— Эй, вы, расходитесь, не толкитесь! — закончил старший городовод, командовавший отрядом.

— Петя, — говорил я Виноградову, когда мы спрятались от казаков за забор Франко-Русского завода, — дела плохи, за мной слежка. Может сегодня вечером меня арестуют. Вот возьми эти прокламации. Надо их спрятать, а затем передать Фельдшеру или Ильину, или Ладонкину для Новой бумагопридаильни.

— Знаешь, и мой дела неважны — отечал мне Виноградов, прича прокламации здесь же на дворе в куче старых яликов, — мне мастер сегодня записал расчет. Буду отговаривать две недели. «Говори спасибо», — говорит, — что не арестовали тебя. Больно много ты проповедеуешь».

Казаки давно проехали; мы вышли опять к тонуям. Было пусто. Вечерние тени стужали. Подошедший М. Папнев рассказывал, что забастовка везде кончается, но что рабочие начинают работу, не чувствуя себя побежденными. Они поняли свои силы и нацелили при помощи «Союза борьбы» тот путь, который должен вывести их на широкую дорогу.

— Если тебя арестуют, — говорил Папнев, — то и со мной случится то же. Прощай, Александр. Теперь вечер, а мне кажется, что мы переживаем удачу. Даже мой старый отец говорит, что он не ожидал такой стачки от русских рабочих. Эта стачка для нас, рабочих, начало новой жизни..

Уже в сумерках я переезжал Неву на ялик. Я решил вернуться домой другим путем, через Васильевский остров.

Слушая, как скрипят уключины, как плещутся волны, удаляясь о лодку, о весла, находясь на середине реки, откуда открывалась водная даль на взором, над которым всходила луна, я испытывал щемящую грусть... Скоро-скоро, думал я, тюрьма, как эта водная мрачная пучина, захватит меня в свои недра, и я может быть больше не увижу вас, товарищи... Но я, простой рабочий, должен считать себя счастливым, что живу в эпоху, когда начинается ломка старого. Пусть арестуют меня! Поднялся он, мститель суровый, и наше дело не пропадет!

Придя домой во втором часу ночи, я заснул тяжелым спивочным сном. В полусне смутно слышал, как раздался резкий звонок, как толпа охранников ворвалась в комнату, как толстый околочный схватил меня в охапку с кровати и поставил в угол с криком: «Стойте, не шевельтесь, мерзавец!» Городовые и агенты начали перерывать комнату. Там в углу плакал. Брат Павел, 11 лет, вопросительно смотрел и на меня, и на полицию...

— Как ваша фамилия? — спросил жандармский полковник, руководивший обыском.

— Если вы будете меня держать так в углу, в одном белье, и если ваши подчиненные не перестанут меня оскорблять, я не отвечу ни на один ваш вопрос, — сказала я.

— Будьте пожевлеем с арестованным, — сказал полковник, — а вы, господин Шаповалов, одевайтесь: мы принудим вас арестовать.

Меня свезли в охранку. Утром, когда совсем рассвело, перевезли в Петропавловскую крепость. Тяжелые двери захлопнулись за мной на два года. Вперед ждали три года Сибири...

★

Редко-редко звякнут шпоры жандарма, медленно кружась по коридору от двери к двери; случайно забренчат у него ключи; застучат тяжелые засовы отворенной двери, — и затем опять все погружается в безмолвие могилы.

Но тем не менее тюрьма полна своеобразной жизни, протестующей против неволи. Приложите ухо к двери камеры, приподнимите «глазок», и вы услышите и увидите, как заключенный быстро шагает и бежит из угла в угол по своей камере. Так бьется птица в клетке. Так мечется зверь в неволе.

Недаром казематы Петропавловской крепости сравнивают с могильным склепом, с гробом. Как душно в этом каменном мешке, как тяжело... Как гнетут эти стены, как давит этот своеобразный потолок!

В первую минуту, когда меня ввели сюда, я долго стоял, как в столбняке, и смотрел, не спуская глаз, и на закрытую дверь, и на форточку в ней, через которую подавали заключенным пищу, и на «глазок» сверху, через который стража наблюдала за заключенным, — я стоял пораженный и ошеломленный всем происшедшим со мною.

Почти под самым потолком было пробито небольшое окно с толстой железной решеткой. Через него виднелись толстые, массивные верхи крепостной стены с ее зубцами. Это последняя была много выше окна. Но все-таки, смотря снизу вверх,

В царской России. Общие камеры Херсонской каторжной тюрьмы. В такой клетке 30 человек заключенных ни на минуту не могли скрыться с глаз тюремщика.

можно было видеть через окно клочек серо-голубого неба. Там высоко-высоко верху безаки облака. Там, в этом серо-голубом просторе рекали ласточки.

Сознание, что за каждым моим шагом наблюдают, еще более усилило во мне тяжелое чувство. Любоваться же клочком неба сделалось единственной радостью жизни.

И потекли томительные часы и дни. Я начал терять их счет. Чтобы не забыть, сколько времени я сижу в тюрьме, я стал ставить маленькие черточки на стене. Но жандармы, следившие за мной в «глазок», заметили это и стирали их.

На воле я много бегал из одного конца города в другой. Привыкнув к движению, чувствовал, как постепенно гнетет тюрьма и ее могильное безмолвие. Нервы были напряжены. При внезапно раздавшемся треске, стукте двери я невольно вздрагивал.

Когда внезапно отворялась дверь и ко мне обращались с вопросом, я начал впадать в своего рода столбняк и думал себя на том, что не могу уже так быстро и скоро, как раньше, отвечать на вопросы.

★

Мать, все время мною ожидаемая, со времени ареста не получала ни одного свидания со мной. Я попросил разрешения написать ей письмо.

Получен был ответ: «Милый Саша, — писал мне брат Павел под диктовку матери, — мой милый, мой любимый Саша! За что наказал меня бог? Я не могу забыть тебя и я не перестаю плакать. Мне кажется, что я ослепну от слез и горя. Я плачу на заводе твое жалованье. Но я должна была уплатить то, что задолжала, и у меня осталось всего денег на неделю, не более. Из комнаты, где мы жили, хозяйки квартиры нас выгнали. Я не могла платить. Я переселилась в грязный, сырой угол. Я не знаю, что будет со мной и Павлушей. Придется видно просить милостыню. Очевидно бог наказал за грехи. Молись ты господу богу, авось он снисхопит и нас и тебя не оставит. Я прошу свидания с тобой, но мне его не дают. И мне сказали, что ты так плохо ведешь себя, что мне его никогда не дадут. Твоя мать».

Письмо это разорвало мое сердце. Опять это неизвестный бог, на которого ссылается моя мать, — думал я. Значит она все во власти бога. У меня обильно кровь сердце при мысли, что они гибнут и беспомощно провалят, оставленные на произвол судьбы. Я не мог успокоиться от этой гнетущей мысли и быстро бегал по камере, под впечатлением известий от матери. Сумерки тем временем все больше стужались. Становилось темно. Но еще мрачней становилось у меня на душе. Меня охватили тоска и отчаяние. Стало душно, как в могиле, под каменными сводами...

(Окончание см. на 3-й странице обложки)

Группа «Петербургского союза борьбы». Сидят (слева направо): В. М. Старков, Г. М. Крижиновский. В. И. Ленин, Ю. О. Мартов. Стоят: А. Л. Малченко, П. К. Запорознич, В. А. Ванев.

В это время в дверь постучали.

Александр и Александра

Повесть Виктора ДМИТРИЕВА
и Николая БОГДАНОВА.

(Продолжение) 1

КРЫЛОВУ вскоре прискулило пьяное веселье. Уловив минуту, он надел пальто Потрясаева из рыжего с белым жеребенка и чью-то шапку и вышел. Когда Бондарчук, Шура, Майкова и Бьюрков подошли к дверям Гурьева, Крылов уже был далеко.

«Налетчики» сделали все, что было задумано. Шура открыла дверь, вспыхнул магний, щелкнул рычажок, Бондарчук сделал нужную выдержку. Компания шарахнулась от вспышки магния.

— Шахраменто! — закричал Иванов, — до чего допились, зимой гром и молния появились.

Крылов в это время бред, сам не зная куда. Вырвась пьяная луна, раскачиваясь, шаталась по суброгам и по крышам. Дыхание морозца освежило Крылова, и он очнулся в переулке, где жили Шура и Зина. Он дошел до знакомого окошка. В темноте нельзя было различить дома ли Шура. Александр постучал в стекло, но ему никто не ответил. Он постучал еще раз и вдруг почувствовал, что девичьи нежные руки закрыли ему глаза.

— Шурка! — он, смеясь, стал целовать ладони. Руки разжались и упали. Крылов обернулся и увидел Зину.

— Не Шура, — сказала она. — Не Шура, а полудуше! Крылов миленький, — она положила ему руки на плечи. — Поцелуй меня один только разочек. Но не за Шуру, а так... за меня...

Успешно выполнив план фото-нападения на вечерку, Шура Майкова поспешила на квартиру Потрясаева.

Она аккуратно положила фотоаппарат туда же, откуда взяла, — в бельевой шкаф. Ей собственно нечего было больше делать в этой комнате, но она, не загорая света, села на подоконник.

Где Крылов? Она и Бондарчук предполагали, что Крылов тоже участвует

в «детском крике». Но его там не было. Не случилось ли с ним чего? Не слишком ли резко она с ним общалась?

Перед окном раскачивался в потемках неприятный фонарь. Снежинки образовали вокруг него светящийся венчик. Ровная, безмятежная близина застлала тротуары, крыши, вывески. Тихая грусть, легкая и холодная, как этот медленно падающий снег, охватила Шуру.

На лестнице послышался странный прохот. Казалось, что по ступенькам поднимается большое и неуклюжее животное. Шура стало страшно в темноте, но еще страшнее было перейти через темную комнату к выключателю. Шура затаилась.

Шум приближался. К топоту примешивалось громкое пыхтенье. Оставалась еще одна надежда, что идут не сюда. Но вот дверь затрещала, заскрипела, заперла. В комнату на четвереньках вошел человек. У Шуры было отлегло от сердца, когда она увидела на вошедшем знакомую шинель Крылова. Но боже мой, как он был пьян!

Так вот до чего он дошел! Шура, преодолевая брезгливость, подошла, стараясь не дышать, чтобы не чувствовать вину перегара. Она вдруг почувствовала непреодолимую жалость к Крылову и нежно провела по лицу и лопоту лбу вошедшего.

— А, Зинюля, — пробормотал вошедший, тут же погружаясь в неподвижный, пьяный сон, — деточка моя рыженькая...

Шура одернула руку, как укушенная. Перед ней был Потрясаев.

15. Как в кино

Крылов проснулся в незнакомой, чужой комнате.

Солнце расстелило по полу свои дорожки поверх подсыхатых подволоков. Оранжевый снегирь прыгал в зеленой клетке и чистил перышки. Александр почувствовал на своем плече чье-то

дыхание, и осторожно повернулся. Рядом с ним спала Зина, по-детски разбросав руки, счастливо улыбаясь.

Крылову стало тошно. Голова у него болела. Он не мог вспомнить, как попал вчера в эту комнату, на эту кровать и вообще, что с ним вчера произошло? На всем его теле, казалось ему, остались нечистые следы объятий. Хотелось скорее убежать, забыть, чтобы все оказалось сном, неправдой. Нужно было немедленно стать под душ, умыться снегом.

Ему было стыдно перед Шурой, перед своей любовью, перед снегирем, перед самим собою и перед всем миром. Стыдно было и перед Зиной. Ему казалось, что он чем-то обманул ее. На это ложе Зины, на которое ждали его, как любимого человека, он ввалился пьяный и отвратительный, гадкий сейчас самому себе. Он сердился и на Зину, но к его раздражению против нее примешивалась жалость.

Крылов заметил над изголовьем Зины странную фотографию: себя в зимнем свитере и Зину в платье-безрукавке. Он понял, это Лешкины проделки.

Потрясаева Александр нашел в необычном волнении. Лешка в одном белье метался по комнате.

— Женщины — зло мира! — завопил Потрясаев, увидев входящего Крылова.

— Теория довольно однобокая, — усмехнулся Крылов, разглядывая нелепый вид Лешки.

— Ты мне философию не разводи, скажи лучше, где ты вчера был, что собой представлял и какое у тебя было выражение лица?

— Ты что вчера огурцов об'елся?

— Огурцами ты об'елся, знать с них и память потерял, а я вот хорошо помню, что целовался с собственной кашей!

— Теперь мне понятна прелесть «детского крика».

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО:

Комсомолец Крылов вернулся из армии и поступает на кондитерскую фабрику, где работает его товарищ — Лешка Потрясаев. На фабрике Крылов знакомится с Шурой Майковой, прозванной Недотрогой, и Зиной — подругой Потрясаева. Между Крыловым и Шурой складываются близкие отношения. Зина завладевает Шуру и ревнует к ней Крылова. Незаконно Майковой старшей по машине вымывает керосин, и Крылов, поговорившись с Шурой, сблизился с «буторками». Потрясаев устраивает пьянку с участием и Зины Крылова. Шура организует эскадрон против развратца и пьяницы; фотоаппаратом Потрясаева он снимает участников вечерки...

1 Начало см. в «Смене» №№ 1—5.

— А если эту прелесть сфотографировать? Да в стенгазету? Да крестиком пометить: А. Крылов так скажет огурцы, заместо каштанов, Л. Потрясаев обьясняется в любви собственной калаше... и так далее?!

— Неудрюю.

— Так уже сфотографировано!

— Кем?

— Моим аппаратом, друг. Какая быстроота, какая точность! Щелк—и готово!

— Я что-то не помню,— усомнился Крылов.

— Я тоже не помню, а как проверил, так и увидал на аппарате следы чужого обращения. Саша, досаднее всего: от своего же аппарата пострадало!

— Кто же это проделал?— спросил Крылов, заражаясь Лешкиным волнением.

— Это дело Ш-У-Р-К-И—Шурки, Урванки, Раздрыжной, Кавалерийской Инспекции!— Жесткие волосы Потрясаева торчали во все стороны, как зубочистки.

— Я не помню этого дела,— усомнился Крылов.

— Посмотришь в стенгазе, живо вспомнишь. Страдать-то вместе,— ездило подкатился Лешка.

— Жменя,— сказал он,— памирский осел, я же тебя предупреждал, я же тебе говорил: бухгалтер, красавец, тенор, чорт возьми, и тот зашился. Ведь это она тебя ловила, да и нас прихватила.

— Ну, если так,— Крылов сжал кулаки. Его забрала злейшая обида». Так нечестно воспользоваться минутной слабостью! И зачем же? Чтобы его лишить авторитета, чтобы легче забрать под каблук! Так вот она какая! А еще разводила разные сантиментальности... Нарвался!»

— Вот что,— сказал Крылов спокойно,— инцидент будет улажен.

Оба товарища по несчастью отправились на фабрику. В цехе Крылов отошел в дальний угол, к самому концу машины, туда, где переставляли листы с печением с транспортера в печь. Потрясаев стал рядом с ним.

— Шура, поди на минуточку.

Шура подошла.

— Вот что, Шура,— сказал Крылов без обиняков,— вернешь фотографию?

— Шурочка, расклетаетесь,— добавил Потрясаев свистящими шопотом.

Шура повернулась и пошла от них.

— Ах, так! Ну, погоди же!— глаза Крылова сделались круглыми и блестящими. Он быстрым, точным движе-

нием загнул угол железного противня, как загибают страницу книги.

Потрясаев злорадно взглянул в сторону Шуры. Работница Пырьева, подающая листы в печь, ничего не заметила, и машинально поставила противень в печь. Противень с загнутым углом мягко исчез в печи.

Загнутый уголок заставил лист печекоситься— этого было достаточно, чтоб нарушить работу движущегося печного пода. Печения задержались на его ажурной сетке в страшном жару несколькими секундами больше, чем следовало. Пламя и едкий дым ударили из зева печи. Рабочие, зажимая носы и рты, опростомы бросились вон из цеха. В дверях образовалась давка.

Только Шура побежала не к двери, а к печи. Конечно ничего сделать, ничем помочь она не могла. Но она все-таки кинулась туда, где было пламя, где гуще всего был ядовитый дым.

Крылов видел, как она упала. Он оттолкнул висевшего на нем Потрясаева и, пригнув голову, вломился в коричневую дымовую стену. Дым ел глаза и горло. У самой печи Крылов поднял Шуру и, стиснув зубы, чтоб не вдохнуть ядовитый угар, тяжело и медленно пошел к выходу.

Подоспевшие пожарные в противогазах перехватили у него его дорогую и ненавистную ношу.

16. Предупреждение

— Я не виновата,— хмуро сказала Шура.— Все построено,— она глядела на пол, ей хотелось плакать.

— Подстроено?— изумился директор г.р.— Кто это станет тебе подстраивать!

Стоило Шуре сказать одно слово, и все стало бы ясным, но это слово было «Крылов», и она молчала. И не то, чтобы она боялась выдать его. После всего, что произошло, он этого стоил, но все же она не могла заставить себя произнести это имя. Губы ее не складывались для произнесения его имени.

— Да, подстроили,— еще раз повторила она.— Здесь моя вина, а злой умысел. Ох, как мне все это постыло!— вдруг, с неожиданной для самой себя искренностью сказала она.

«А ведь она в сущности просто беззащитная девочка», подумал вдруг дирек-

тор, и оглядел ее удивленно, как будто бы видел в первый раз.

— Вот что,— сказал он гораздо мягче,— подстроили, не подстроили— это все равно. Делаю тебе предупреждение.

Он хотел еще сказать ей что-нибудь успокаивающее, Шура почувствовала это. Но неожиданно директору навернулись привычные официальные слова.

— Во всяком случае, за все и всякие упущения отвечает старший по машине. Для меня ответственное лицо— вы, товарищ Майкова. В случае повторения, пеняйте на себя, а мы примем свои меры.

— К вам можно?— сказал, просовываясь в дверь, длинный, с загнутым вверх кончиком нос.

Директор повернулся к вошедшему художнику фабрики и начал с ним разговор о внешности конфетных коробок. На столе лежали образчики. Шура запомнила рисунок женской головки в шляпе с огромными перьями. Она поняла, что разговор окончен, и вышла.

— Па-па-звольте,— закинулся Баллай-Быковский,— это один разговорчик: на потребу мешанину и все прочее. Дайте конкретное задание, и я вам раздрочно— пальчики оближете.

На столе лежала образчики... рисунок женской головки в шляпе с огромными перьями.

— За мной дело не станет, — директор вытаскил из бокового кармана причудливо вырезанную фотографию. Красивая девушка-лыжница стояла у деревьев, покрытых инеем.

— Как здорово вырезано, — изумился Балай-Быковский. — С зубчиками какими-то, как печенье.

— Это кто-то созорничал и выбил штампом.

— Вот что, — оживился Балай, — это годится. Сюда мы поместим серп, а вот здесь устроим молот, — он схватил красно-синий карандаш.

— Ладно, — поощрил его директор. — Кройте. Конфеты будут называться — «Спорт».

Но здесь же и другой. Жилами буйвола он прикручивает острый, втиснутый в расщепленную дубину камень. Второй тоже широкопеч и волос его отливает медью. Вот они встали...

Головушка треснула, как выстрел. Шура проснулась и не сразу сообразила, что она опять вернулась в двадцатый век. Печь горела, как костер. Вместо сна нужно было думать обо всех этих тошнотных делах, об Александре. Почему он раньше прямо и сразу не сказал: «Я хочу быть мастером, уйди с дороги!». Нет, он решил извести ее незаметно, исподволь, за-

Дрова в печке превратились в груды золотых, покрытых темным налетом углей. Она перемешала угли и пододвинула табуретку, чтобы закрыть задымку. В это время в дверь постучали. Стук был осторожный, вежливый, стучали одним согнутым пальцем.

— Войдите.

В дверь вошел Потрясаев. Он был чисто выбрит, напудрен, при галстуке. Даже бровки были вытожены. Особенно он тщательнее готовился к визиту.

— Здравствуйте, Шуручка, — фамильярно-вежливым тоном начал Потрясаев. — Я собственно больше по поручению Александра Кузьмича Крылова, хотя и от собственного сердца хотелось бы поговорить... Признаете ли вы, Шуручка, что человек может веселиться? — Гм... в какой форме?

Шура сошла с табуретки.

— Ну, хотя бы и выпить, ну хотя бы и на четвереньках ходить, ну хотя бы и с собственной калашей целоваться! Ну кому какое дело? Как это поется: «И вся-то наша жизнь-пустяк». Несколько жалких

десятков лет! Неужели нельзя раз в жизни испытать самого необычайного состояния? Эх, не понимаете вы многообразия жизни, бездонности человеческой души и сложности природы. Вы большое и милое дитя...

Пот проступил серебристыми капельками между вислоухой Потрясаева — с таким старанием строил он свою витневатую речь.

— Отдайте фотографию, — вдруг кратко попросил Потрясаев, и даже протянул руку, склонив голову на бочек. — У меня ее нет.

— Ага, в с/емке принимали участие и вы, но хранится фото у других?

Шура закусил губу. Она проговорила!

— Дорогая Шуручка, Крылов, Александр Кузьмин, согласен на вас жениться и всякая всячина, лишь подействуете относительно фотографии. Вы лишь укажите, где она хранится, и я сам достану. А главное, где негативчик?

(Продолжение следует)

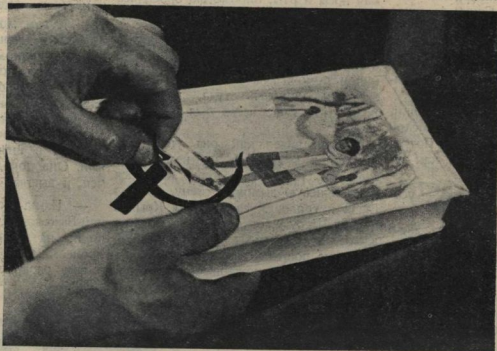
17. «Дорогу женщине»

Шура смегничала. Она любила затопить печку, потупить электричество и молча глядеть на игру огня. Колеблющееся пламя наводит и сводит ручицей с лица, в глазах отражаются искры и раскаленные угли, а она сидит и думает.

Приятно и много думать можно только в одиночестве. И Шура дорожит этими немногими минутами, когда топит печку, оставшись одна. Сколько передумано здесь у огонька. Не при свете ли горящего костра сидели вот так наши предки? О чем они думали? Кажется Шуре, что думы их были неуклюжие и тяжелые, как камни. Она представляет себе огромного рыжего парня, она и Крылов видели такого на картине в музее. Упершись широким подбородком в волосатые ручищи, он думает.

— Почему звезд много, а солнце одно? Почему ветер нельзя поймать, а бегает он и шумит, как живой? Почему умер отец? Может быть он крепко заснул и надо громко крикнуть, чтобы его разбудить?

Шура не заметила, как задремала. Ей приснилось, что она дикарка и сидит у костра. Она гладит свои бедра и чувствует ворсинки густых, шершавых волос. Напротив, у того же костра сидит широкоплечий дитяца с длинными, узловатыми руками, и точит камень о камень. Он делает нож. «Подячись, будь моею или я убью тебя». Она слаба для борьбы с ним.

Красивая девушка-лыжница стояла у деревьев, покрытых инеем.

гнать на кухню, опутать пеленками и все под личиной любви. Какая низость! Шура стало страшно. Неужели тот, кого она полюбила впервые, оказался таким негодяем? Неужели все такие? Она вспомнила Бондарчука. Это он, тот рыжий и широкоплечий, который готовил дубину против дикаря с кремневым ножом! Она улыбнулась.

Жаль на фотографии нет Крылова. Вот была бы для него настоящая дубина. Какой он трус! Нашкодил и хочет горло перегрызть, лишь бы вырвать фотографию.

Шура готова была заплакать. Почему он оказался таким? Как любила она, как мечтала, как долго не встречала человека, который бы вызвал ее любовь! Может быть она ошибается? Стоит им поговорить по душам и многие страшные химеры окажутся не страшными. Но Шура чувствовала, что никогда не сможет простить его слабости, его слепоту и грубые ошибки.

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

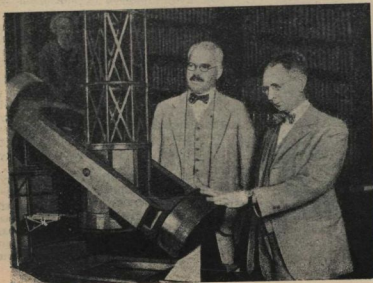
Аппарат для спасения от удушья

В последнее время в Америке находят широкое распространение новый аппарат для спасения людей, отравленных угаром и различными ядовитыми газами. Аппарат наполнен смесью кислорода с небольшим количеством двууглекислого газа (того самого, который вызывает шипение в содовой воде). Смесь эта отличается тем свойством, что еслипустить ее в легкое потерпевшего субъекта, они начинают усиленно расширяться и поглощают большое количество атмосферного кислорода, вследствие чего продукты отравления быстрее выводятся из организма.

Описанный аппарат (см. фото вверху) применяется также в тяжелых случаях отравления.

Крупный успех в астрономии

Технологический институт в Калифорнии закончил постройку модели величайшего в мире телескопа. В этом телескопе диаметр рефлектора составляет более 5 метров и с помощью его можно будет улавливать тончайшее мерцание планет, лучи которых достигают земного шара через миллионы лет (см. фото внизу).

Модель гигантского телескопа.

Как влияют короткие волны на организм?

Инженеры Всеобщей электрической компании (Соед. штаты), производившие опыты по радиотелефонированию на коротких волнах между Нью-Йорком и Австралией, сделали интересное наблюдение: всякого, попадающего в по-осу коротких волн, начиная лихорадить. Попробовав смерть одному из этих лиц температуру, — оказалось, что после 15-минутного пребывания под действием коротких волн у него температура повышается на 1,0. Такое же явление в более или менее резкой форме повторялось у всех наблюдаемых лиц.

Описываемые явления несомненно наталкивают на мысль о том, насколько вообще опасны короткие волны для человеческой жизни. Ведь последние уже в настоящее время усиленно используются для целей широковещания, а также получают при действии самых различных электрических машин.

Для разрешения этого вопроса были поставлены опыты над крысами и собаками, показавшие, что временное повышение температуры под действием коротких волн не оставляет вредных последствий. С другой стороны, короткие волны уже не раз обнаруживали целебные свойства: искусственно вызываемая ими лихорадка давала нередко заметное улучшение в случаях общего паралича.

При лечении параличей пользовались до сих пор иным способом — прививкой мalarийного микроба, чтобы вызвать (разумеется не сильную) форму мalarии, то есть лихорадочное состояние.

Замена мalarийной прививки действием коротких волн представляется большим удобством и открывает благоприятные перспективы для известных областей медицины.

Найдена бактерия желтой лихорадки

Один из самых злых и до сих пор непобедимых врагов человечества — желтая лихорадка, которая особенно свирепствует в тропических странах, унесла многочисленные жертвы. Особенно страдают от нее приезжие европейцы.

Еще тридцать лет тому назад было установлено, что желтая лихорадка переносится тропическими насекомыми-москитами.

ми, но бороться с этой болезнью было невозможно, так как не удавалось найти бактерии, вызывающей заболевание. Поэтому крупным успехом является открытие берлинского ученого Макса Кучинского, открывшего бактерию желтой лихорадки.

Вслед затем Кучинский приступил к изготовлению предохранительной сыворотки, прививка которой должна избавлять от заболевания лихорадкой (первые опыты с сывороткой он проделывал над обезьянами).

На фотографии (вверху) Кучинский изучает москитов — носителей желтой лихорадки, заключенных в клетку с сетчатыми стенками.

Недавно в Берлине происходила международная автомобильная выставка. На снимке справа новая модель автобуса цилиндрической формы.

Дома с бумажными стенами

Американские буржуазные строители воспользовались опытом империалистической войны и позволили для экономии слоев населения дешовые домики по типу, который употреблялся в то время для постройки барачков. Такие дома строятся в лежачем положении, причем фундаменте главные стены делаются прямо из просмоленной бумаги, смешанной с цементом. Когда стена окончательно просохнет, ее поднимают и фундаментом. Для боковых стен вместо просмоленной бумаги употребляется фибра.

На фото: веревка-демпонтирование готовой стены, внизу общий вид законченной постройки.

Приспособление для защиты глаз

Часто слышны жалобы, что что-то глаза стали болеть, — и свет раздражает, и читать нельзя. В то же время мы совершенно не знаем ни симптомов чужих глаз, ни стоек и рабочих столов, ни учреждений, заводов и в домашней обстановке висят открытые лампы, свет которых сильно портит глаза. Этого можно избежать с помощью простого приспособления, которое не трудно сделать самому. Надо только сделать достаточно широкий футляр (хотя бы из тонкой жести), отгораживающий вестрическую лампочку со стороны рабочего места. На прилагаемом фото (слева) показан цилиндрический футляр, приспособленный для чтения писем, работы с автоматической кассой или мелких механических работ. Но в зависимости от работы обстановку можно придавать ему иную форму, — сваем в виде воронки с отходящей кинув широкой и т. д. помощью простого механизма футляр закрепляется при чтении так, что весь свет попадает на страницы книги, минуя глаза читающего.

НЕФТЬ У МОРЯ

Очерк Николая БОБРОВА

ИЗ МОСКВЫ до Туапсе ездят поездам двое суток. Выехали мы, когда в Москве снежным зверем металась мителлица. Благодаря заносам поезд подолгу задерживался на подзастанках.

Начиная с Армавира, дохнуло весенним воздухом. Поезд, вырвавшись из сугробов, весело бежал по бескрайней равнине, переходящей в предгорье. Дальше сплошной, тяжелой цепью тянулись горы — одна выше другой. Паровоз, выбывая из последних сил, медленно взбирался на Гойтховский перенат. Тоннели, запрятанные под горными массивами, вились спиралями. Испытываешь странное ощущение: в едешь в один конец тоннеля, выдешь с другого конца, а кажется, что поезд крутится на одном месте!

Туапсе теперь трудно узнать... Мало осталось в нем от хаотической массы приземистых хибарок Вельяминовки... Налетела Грознефть и смела Вельяминовку.

Для новой, пришедшей сюда в 1927 году армии людей, работы было печотный край. И наблюдая могучую стройку, нельзя было не быть потрясенным.

К Туапсе экономически тяготеет близлежащий район, богатый хлебом, фруктами и табаком.

Через Туапсе широким потоком пойдут товарные грузы. Но главное, через Туапсе потечет грозненская нефть. Это «черное золото» и перевернуло дыбом здешнюю патриархальную жизнь.

Ради нефти — этой крови земли — и выросли словно из-под земли, как грибы, огромные резервуары — нефтяные хранилища вместимостью каждый по несколько тысяч тонн.

Ради нефти и перекинулись ажурные эстакады, прочно встали мощные каменные перепалы и новые заводы.

Город Грозный исключительно богат месторождениями нефти. Добыча нефти в нем, по сравнению с довоенной, увеличилась в 3½ раза (4 млн. 100 тыс. тонн). Грозненская нефть содержит около 20% бензина, товара

дорогого, так как на зарубежных рынках нам за него платят большие деньги.

Специалисты долго думали, в каком бы месте Черноморского побережья дать выход на зарубежные рынки грозненской нефти — в Новороссийске ли, в Поти ли?

После долгих споров и расчетов остановились на Туапсе.

Перекачать по трубе нефть из Грозного в Туапсе стоит только 3 р. 60 к. за тонну. Доставка же из Грозного до Новороссийска по железной дороге обходится 12 р.

8 р. 40 к. прибыли на каждую тонну и делала постройку нефтепровода выгодной. Но эту выгоду можно извлечь, если на конце нефтепровода выстроить заводы для переработки перекачиваемой нефти в бензин, керосин, соляровое масло, такут... Тогда и решили выстроить такие заводы в Туапсе, у самого моря.

Богатейший край, тящий неизмеримые возможности, блистает суровой красотой. Немало здесь в зеленых горах бурых медведей, больших лакомок до винограда, диких кабанов и быстрых ланей. Пока зверь, почувш приближающегося человека, настораживался, из Грозного в Туапсе темными ущельями, речными порогами, через напавшие утесы протянулся новый нефтепровод длиной в 600 километров. На этом длинном пути выросло шесть новых перекачечных станций.

Нефть бежит по трубам, в Туапсе перерабатывается, поступает в резервуары, и отсюда по мере надобности, течет прямо в трюмы пароходов.

Не мало пришлось «повозиться с морем». В бухте, отделенной от открытого моря волноломом, бывает «толчея», тогда вода в бухте, подгоняемая ветром, кипит, как в котле. Порт заметил ряд мероприятий, уничтожающих «толчею».

Одной ночью над морем зажигались огни, и длинные узкие полоски, синие, красные, желтые отражались в воде. День и ночь лягали землечерпалки, пыхтели рефудеры, углубляли дно, сосали морской грунт. Медленно, тяжело вздымая, полз в море паровой копер. Ритмично отстукивало это железное

Словно

чудовище удар за ударом, забивая в морское дно тяжелые громадины свай. Так вырос нефтяной пирс для причала гаубокоосидящих пароходов.

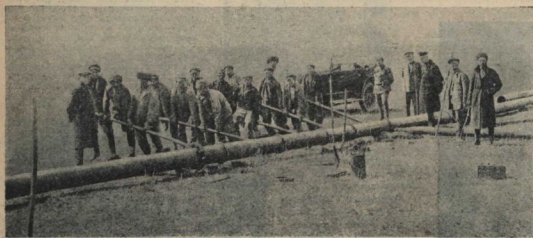
А там, где недавно золотился пляж и загорали курортники, высталила хлебная набережная для будущих колосов-элеваторов. Ушло море... засыпала рефулеры клочок моря... Но человек справился здесь не только с морем — он завоевал горы.

Года два тому назад у самых гор в месине человеческого муравейника тянулись подводы, тракторы; через бременчатые гряды и кучи мелкого щебня ездали грузовики... По утрам с карьеров глухо раскатывались взрывы... Оглушаемые гулом, люди на минуту заволакивались серой мелкой пылью. Говорят, здесь ползали черепахи, в полночь звенели шквалы и вили шквалы...

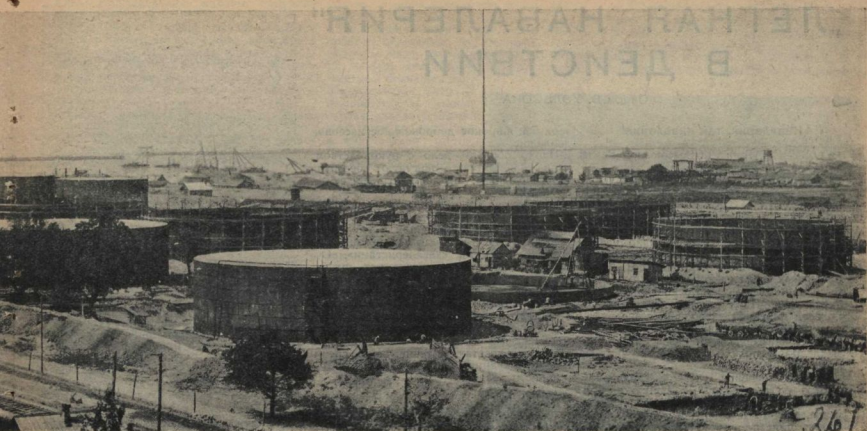
Нефть до неузнаваемости изменила эти дикие гористые склоны. Выросли белые домики, прилиплись к горным склонам. Сквозь зеленую чащу широкой лентой вытесил гудронированное шоссе. Туапсинский рабочий городок — это идеальный город-сад. Сюда пришел новый, организованный рабочий, живущий в максимально-культурных удобствах. Мысль строителя предусмотрела каждую мелочь, не говоря уже о газе, водопроводе, нужной кубатуре комнатного воздуха.

Прошло лето несчастливости мне наблюдать, как армия рабочих вступила в борьбу с местной реченкой Туапсинкой. Издавна считалась Туапсинка «капризной», «изменчивой женщиной». В сильные паводки количество воды в ней увеличивается в 60—100 раз, а скорость течения умопомрачительная: 5—6 метров в секунду.

Человеку нет пренятствий, он решил унять «капризную женщину», уложить реку в новое, прямое, жесткое русло, из которого она не могла бы выйти и не угрожала бы заводам. Так у годового сооружения создались мощные бетонированные перепалы, которые пришли в изумление многих инженеров и

Из Грозного в Туапсе протянулся нефтепровод длиной в 600 километров

Из-под земли выросли 32 огромных резервуара, из которых каждый вместимостью по несколько тысяч тонн.

профессоров. На этом участке работ была осуществлена полнейшая механизация: цемент-пушки с огромной силой вгоняли в поры бетона штукатурку, механические дробилки дробили камень, а грабейки промывали это густое каменное тесто.

Экскаваторы, напоминающие жирных бауков, плотно присосались к берегу Туапсинки и своими железными горстями выгребали упрямый камень. Горы каменной земли свалились из пасти экскаваторов тут же на движущиеся железнодорожные платформы...

Не успеешь моргнуть глазом — и полна до краев платформа, а каждые три пушловых экскаватора в сутки заменяли 1.500 граблей.

Теперь течение ослаблено. Вода благодаря перадам спокойно вступает в широкий, прямой канал. Не страшна смерчи с моря, обрушивающиеся в горах, не страшны паводки и дожди!

Еще прошлой осенью круглые сутки здесь стоял шум, рев, скрежет; день и ночь из глубоких котлованов насосы откачивали подпочвенную воду. У переправ вырыли новый колодезь, который станет источником дешевого заводского водоснабжения.

Выросла красивая электростанция мощностью в 3.000 киловатт. Рядом с электростанцией вытянулось ажурно-кружевное здание, где помещаются две трубчатые батареи. Обширн батарей возвышается величественное здание из железобетона и стекла — кубовая батарея.

Батареи, рассчитанные на переработку 1 млн. 200 тыс. тонн нефти в год — это сердце, без которого нет жизни Туапсинскому организму.

Мы стоим около этих громад. Инженер обжигает эту «нефтяную громоздкую машину».

Что такое переработка нефти? Простая вещь в конце концов! Нефть — это смесь углеводородов разного состава. Есть углеводороды тяжелые, есть легкие. Надо отде-

лить углеводороды или, как говорят, выделить фракции.

Нефть в кубах нагревается, и благодаря нагреванию сначала испаряются самые легкие углеводороды, потом тяжелей, еще тяжелей... По трубам они попадают в холодильники, охлаждаются и превращаются в жидкость. Вот вам, пожалуйста, бензин от легких углеводородов, керосин от более тяжелых и т. д. Теперь вместо кубов устанавливают трубчатые батареи, которые требуют меньшего расхода топлива. В трубчатках можно получать тончайшие сорта! Техника пошла еще дальше. Благодаря новому способу — кресированию — из мазута можно получать до 30% бензина!

Нефть — чудесный двигатель, стремительно преобразует она лицо города и края. Число жителей Туапсе сразу возросло втрое, а легковые автомобили и неповоротливые грузовики сменили скрипучую мажору.

На месте базара вырастут торговые ряды; новый рабочий предвзвигт к жизни более строгие требования — городу придется изыскивать средства для дальнейшего строительства...

Да и как же иначе, когда скромный, тихий городишко превращается в мировой порт!

Отлетят в прошлое патриархальные Уклады. Нельзя жить по-старинке и работать с «прохладой», откладывая на завтра...

А кто вспомнит отлетающую южную солнечную лень, для тех вежливо прохрипит заводской гудок:

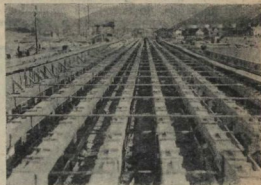
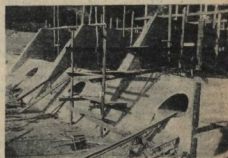
— Пожалуйста на работу!

На фотографиях справа (сверху вниз):

Постройка бетонированных переправ на реке Туапсинке.

Там, где недавно золотился пляж, выступила хлебная набережная.

На месте привезимых хибарок Велияниновки выросли белые домики — Туапсинский рабочий поселок.

"ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ" В ДЕЙСТВИИ

Очерк В. УЭЛЬСОНА

Кавалерия, так кавалерия!

РОЖДЕННАЯ на VIII Всесоюзном съезде «легкая кавалерия» завоевала себе полное право гражданства и получила авторитетное признание на последнем пленуме ЦКК.

Но далеко не сразу выкристаллизировались система и формы работ «легкой кавалерии». Здесь было не мало извращений. Нашлись «уники», разбившие «кавалеристов» по эскадронам, создавшие различных адъютантов, оседлателей. В Козловском районе, Московского уезда, начальника штаба «легких кавалеристов» по всем деревням «эверного мне работа» развешивал приказы, начинавшиеся так: «Приказываю всем кавалеристам немедленно в полной готовности явиться на сбор».

Иногда значения «легкой кавалерии» просто не понимали. В Хлебниковском совхозе, Коммунистической вол., Моск. уезда, письмо о создании «легкой кавалерии» привело в великое смущение секретаря ячейки: он созвал всех комсомольцев и спросил, кто умеет ездить черком на лошади — умеющих не оказалось. Тогда кое-как уговорили одну девушку, которая с треском пополам держится на лошади, и послали ее на волостное совещание кавалеристов.

А на заводе «Динамо» первое время некоторые молодые рабочие очень охотно шли в «легкую кавалерию», потому что все думали, что «кавалеристы» будут разрезать на... лошади.

Но это в прошлом.

Армия «легких кавалеристов»

Сейчас одна лишь Москва располагает сравнительно сильной армией легких кавалеристов, по неточным данным в старопу преумножения их в 200 отрядах

Штаб «легкой кавалерии» НКПит докладывает наркому Тов. Антипову о замеченных недостатках аппарата

насчитывается 1.500 человек, почти все комсомольцы. Это мало по сравнению с задачами и возможностями. Перед «кавалеристами» стоит большая опасность «сварения в собственном соку», и выход здесь лишь в превращении «легкой кавалерии

в широкое добровольное массовое движение.

Плохо обстоит дело с руководством; «кавалеристы» часто действуют «без руля и без ветрил», предоставленные самим себе.

Построение отрядов просто. Они создаются на основе добровольчества при предприятиях, учреждениях и उपолночных РКИ. Руководители-вожакы выбираются самими «кавалеристами». Общее руководство осуществляют штабы, созданные при РКИ.

В круг деятельности легкой кавалерии входит и борьба с непорядками в строительстве, волокитой в учреждениях и разовлачении «разложившихся» комсомольцев, и погоня по следам писем и заметок в газетах, и таксе, напр., специальные задания, как выважение питательности обедов.

Из рейда в рейд

Вот любопытное донесение отряда «легкой кавалерии» при Кожзаводе № 1. Здесь отряд занялся разовлачением комсомолки, явно чуждого элемента, случайно проинкшего в комсомол.

«До сих пор в нашей ячейке КСМ находилась тов. Чечкина, каковая была прислана в нашу организацию 1 XI 1927 года из УОНО для работы с кружком ликбеза.

Подозрительное поведение Чечкиной в организации и дошедший до меня слух о том, что она велит какие-то неадекватные записи в своем дневнике, заставили меня проверить вышесказанное. Тов. Чечкина находилась на квартире у одной нашей комсомолки, каковая по моему предложению достала (незаметным образом) дневник Чечкиной и передала его мне; оказалось, что тов. Чечкина пишет в нем следующее:

«Хорошо было бы, если бы жив мой отец, у которого было накопление 30 тысяч рублей, и виной его смерти, а также и потери всего достояния являются революция и проклятая советская власть и партия. Если бы был жив мой отец и старое время, то все те, кто меня сейчас не считают ни во что, тогда они ходили бы передо мной на цыпочках и боялись бы мне слово сказать. Да наша ведь задача — добиваться того, чтобы жить за счет других. Я в КСМ состою до тех пор, пока меня не выгонят, и моя задача та, что или я в организации КСМ, или (перечисляет комсомольцев, исключительное актив, всего человека 41...

Больше половины записей этого замечательного дневника очевидно для пущей конспирации, были сделаны на французском языке.

Отряд «кавалеристов» при Московской таможене обнаружил в стенах своего учреждения «мертвешью».

РАВКА.

аппарате ВОИХ РС ОР проекта....
8
ил в Орготдел МЗУ ВОИХ РСОР "3"
из № 1: 1. 258 - 6/6
Менчик Н. 4" 5" 2" 1928
Орготдел "23" 1928
работкой "23" 1928
ТАСОВ АННВ.
передачи Редискиа ос. Врмя 10/1
и 3 у: Редискиа, пряня-возлорд-
шего прикве: с визг

«Легкая кавалерия» ВСНХ. Приказ, походящий согласования и указа с 6 января по 7 февраля. Сбою — гирлянда напоми-
наний».

Некоторые московские учреждения закупают товары за границей и, когда груза прибывает в Москву, оставляют его спокойно лежать на складах таможен. Мертвым капиталом залеживается ценный груз. «Кавалеристы» сделали первую вылазку в магазины и обнаружили, по чьей вине валюты здесь нужны для страны товары.

В веренице синонимов учреждений краусует Наркомпроп, на имя которого еще в декабре 1927 г. прибыли лабораторные инструменты, здесь же представлены и Русавоторг, и Могас, и Музпрел.

Легат товары по всем отраслям промышленности: свинец для Нефтесиндиката, шерсть для Текстильимпорта, автомасти и целый автомобиль для Госторга, и много другого.

«Кавалеристы» выставили список «гробовщиков», воздействуя через стенгазеты, парторганизации, заставляя учреждения взять прибывший товар.

В сутолке дней

В рапорте «легких кавалеристов», бывавших в Московском почтамте, раскрываются, как в сутолке дней в гигантской работе, проводимой почтамтом, скрыт незаметный для постороннего взгляда многоликий вредитель — отдел снабжения Наркомпочтеля.

Этот отдел по заказу почтамта изготона штемпеля, которые по получению оказались негодными и были возвращены обратно. Скоро в почтамт прибыла партия штемпелей, равная по качеству прежней. В виду острой нужды эти штемпеля все же пришлось пустить в ход. После короткого срока работы штемпеля пришлось сдать в ремонт, который обошелся в 1403 руб. 75 коп.

На этом же почтамте группа рабочих обратилась с жалобой на председателя областного правления союза связи т. Паутова в Москов. раб.-крест. инспек-

цию. Расследование жалобы поручили отряду «легкой кавалерии».

Под видом обследователей условий быта работниц связи был произведен налет на дом сотрудников почтамта. Оказалось, что в квартире Паутова установлена ванна, незаконно узаконена в дачи, арендованной почтагтом у дачного треста.

Налет обнаружил безобразное состояние квартир рабочих и полное невнимание со стороны администрации почтамта к нуждам рабочих. Получилось в доме разделение на «верх» и «низ». Полупито выяснилось и разбазаривание средств, ассигнованных на постройку дома, безхозяйственность. Обо всем этом сообщено в МКПИ.

„Под обстрел“

В буднях заводской жизни есть не мало непорядков, прямых безобразий, вызывающих справедливое возмущение со стороны рабочих. По цехам в обеденный перерыв или просто в уборной часто много говорят о них. К этим разговорам редко кто прислушивается. Кавалеристы взялись расследовать замеченные рабочими непорядки, добиваются исправления их.

В таможене группа членов партии преподнесла уходящему с работы секретарю ячейки ВКП (б) портфель, приобретенный на деньги, собранные комсомольской ячейкой на субботнике в пользу пионеров. В результате заявления отряда «кавалеристов» портфель был отобран.

На фабрике «Буревестник» группа кавалеристов провела проверку выполнения решений производственного совещания. Выявили ряд постановлений, застрявших «под сукном», и вывели их на «свет божий». Поставили вопрос о неправильном распределении работ среди некоторых мастеров и их помощников — теперь дирекция этот вопрос урегулировала.

«Кавалеристы Трехгорки один из своих первых рейдов посетили больницы. Это и неумудрено, так как больница приобрела печальную известность среди рабочих. Большинство жалоб относится к «порядкам», существующим в этом учреждении. Действительно в результате «налета» оказалось, что на сто больных — шесть термометров, плохое питание, неважно обстоит дело с «чистотой» — залогом здо-

ровья». Халяты стираются редко, клопы заселяют больных.

Не лучше обстоит дела и в зубо-рабочем отделении. Не редкость, когда рабочие ждут своей очереди на прием по четыре дня. Врач Мазурова общается с больными грубо, выражаясь мягко — невнимательно. Бывали случаи, когда рабочий жаловался на один зуб, а ему лечили другой. Пломбы сплошь и рядом вылетают на третий, четвертый день.

В аптеке нехватает лекарств. Если рабочий жалуется на головную боль и кашель, то сразу двух лекарств ему не дают. Сегодня получи от кашки, а завтра от головной боли.

Рабочие ф-ки им. Маркова пожаловались «кавалеристам» на безобразия в столовой. Ребята произвели обследование, и оказалось, что обеды лишены почти всякой питательности, нехватает ножей, вилок, в супе падают черви, в хлебе — гвозди. «Кавалеристы» об этом не только сообщили в правление кооператива, но ежедневно требуют устранения раскрытых безобразий.

На заводе Сосзэлектротром № 1 бригадир Румянец брал с рабочих на выпивку, за что давал всякие побряки. «Кавалеристы» разоблачили это, и теперь он снят с работы.

Ночная смена этого завода отличалась большим количеством брака. «Кавалеристы» занялись установлением причин, и оказалось, что над работой отсутствует контроль, мастер бездельничает. Теперь мастер снят, контроль устанавливается.

Даже бытовые, «узко-семейные» дела берутся «под обстрел» кавалеристами. На Соболево-Щелковской ф-ке в казарме живут в одной комнате разведенные муж и жена, пьяный муж истязает жену и ребенка — «кавалеристы» об этом написали в газету.

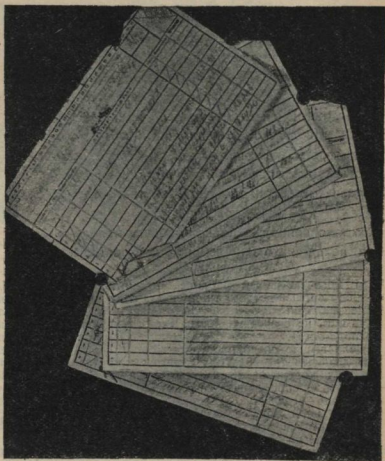
Поступило в отряд заявление от уборщицы хозяйственной конторы Киселевой что во время уборки в три часа ночи к ней с поста пришел милиционер и пытался ее изнасиловать. Сообщила об этом в отделение милиции, и милиционер привлекается к ответственности.

Создадим новые отряды!

В тяжелых условиях нередко приходится «кавалеристам» осуществлять свой «массовый неофициальный контроль». Многие хозяйственники наплевательски относятся к делам «кавалеристов». Серпуховские «кавалеристы» пришли по заявлениям рабочих в винную лавку № 35 и хотели указать на ряд недостатков. Вместо того, чтобы выслушать эти заявления, тов. Пулуктов заявил:

— Я вот вас задержу и отправлю в милицию, это вам не 1918 год.

Нередки случаи, когда против «кавалеристов» предпринимаются целые преследования. На постройках Мострой у завода Мосэлектрик, группа комсомольцев-

«Легкая кавалерия» в ВСНХ обнаружила дело, тянувшееся два года. На снимке контрольные карточки, исписанные с обеих сторон за 2 года прохождения дела по инстанциям.

«кавалеристов» подала заявление в РКК о простоте в работе по вине администрации. Но сейчас же «смельчак» был поставлен в известность десятником Борисовым: «за прыткость уволю».

Методы и формы работы отрядов разнообразны. Внутренняя «структура» групп не отличается большой сложностью. Основа в работе отряда — это вовлечение в свои ряды масс рабочей молодежи. Вот как создается и работает отряд «кавалеристов» на 3-де Меза.

— Кто будет работать в отряде? — спросил на комсомольском собрании секретарь ячейки у ребят. Сразу записалось девять добровольцев — ребята эти до сих пор считались «мертвыми душами». Свою работу группа начала не с протокола заседания, а с бесед с рабочими; все жалобы записывали, расследовали, писали в стеногазету, обращались за помощью, когда было нужно, к парт- и профорганизациям. В крайних случаях доводили до сведения РКК. И не даром ребята завоевали на заводе большую популярность. Встречается в работе отрядов один большой недостаток — увеличение масштабов. Получается примерно такое положение, когда «кавалеристы» ВСНХ или Госплана расследуют... «Пятилетний план народного хозяйства СССР», в то время, когда основой должно быть исправление своих местных недочетов.

«Легкая кавалерия» вырастает в громадное движение, направленное на борьбу с нашими недостатками, а тем самым и «блуждающее» в строительство широкие массы трудящейся молодежи.

Что мы когда выписываем из-за границы? На московской таможне обнаружены так наз. письма, выписанные из Германии на имя Госторга. Лисья нора состоит из обыкновенных грубо-сколоченных и нестроганых досок.

КОГДА МЫ ДРЕМЛЕМ...

Церковные организации и сектантские общества живут своими шпальдами к молодежи. Они объявляют свою работу, приспосабливая к запросам молодежи. Мы часто забываем, что в лице всех этих поповских организаций перед нами ослепший, умелый враг. У нас в СССР около 6 миллионов сектантов, и молодежь составляет около четверти этого количества! Полуторамиллионная организация молодежи, отравленной чуждой нам религиозной идеологией!

Комсомольские ячейки, вся рабочая молодежь, в поход против церковников и «святош»!

ТЕПЕРЬ на нашей фабрике строится образцовый детдом, а в прошлом году замечательный пройдох — поп Иван — чуть-чуть не сварганил новый храм для господ-бога.

Дело вышло очень просто. В двадцать третьем году десять тысяч рабочих порешили закрыть фабричную церковь, переоборудовав ее в клуб.

Сказано — сделано. Вместо гнусавых паславов царя Давида зазвучали в бывшей «коптяке мозгов человеческих» комсомольские песни.

Там, где раньше были «царские врата», разукрашенные ангелочками, теперь оборудована хорошая сцена.

И, как полагаются, вместо тусклого креста воздвигли ало-малиновый флаг.

Поп Иван, записавшись своего производства, перебрался за 2—3 километра от поселка в часовню на кладбище.

Потекли к нему туда старухи, из которых песок сыплется, бывшие люди — черносотенники, урядники да фабрикантовы прихлебатели.

С ними и путался поп Иван, мудрый тамбовский кулак и провокатор.

А победители — фабричные общественники — крутили в клубе танцульки, се-

мейные вечера, решив, что над «богом» поставлена точка.

Комсомольская ячейка плавала на гребнях успеха: как никак, комсомольцы первые предложили закрыть церковь.

В хужке безбожников мирно зевали двенадцать человек членов, среди которых совершенно отсутствовала комса.

К «пасхе» и «рождеству» по необходимости ставили лекции, писали плакаты:

Религия — опиум для народа.

— и этим все ограничивалось.

Плавно, спокойно, как в сказке, шли дни, и вдруг ударила гроза — ошеломляющая грозовая гроза.

Оказалось, что «огче Иване» не дремал и в тишине плел хитроумные замышлы.

Объединив вокруг себя черносотенцев и исключенных из партии, он решил дунуться на приступ к стенам фабричной общности.

Его агенты втихомолку собирают две с половиной тысячи подписей верующих. Этого достаточно для того, чтобы построить новую поповскую фабрику взамен закрытой.

Срочно созывается собрание верующих. Правда является сто человек с лишним из двух тысяч, но это не беда. Поп, рас-

плавстав в воздухе крылья-рукава, «христовым» голосом провозглашает:

— Братие, воздвигнем убежище для ищущих успокоения души. Нам много — нам можно. Признаю, братие!

Пальцы поповские, походные на сосиски, потянули из кармана пачку цетных бумажек.

— Православные, — гаркнул пастьер, — жертвую на почин тысячу рублей!

Заволновались овцы.

— Сделаем богоугодное дело! — гоголид церковный староста Жлобов.

— Правильно! — подкинул черносотенец Ксенофонтов.

И завертелось колесо поповское. Пошли по казармам сборщики:

— Жертвуйте, православные! Но скудна была паства: через три месяца набрали три тысячи, а нужно было тысяча сорок.

Не растерялся поп: обратился к местным торговцам: те добавили недостающее. Постройка закипела. Поп победил.

Когда уже основана кирпичный фундамент, комсомольская ячейка забрала трегову.

Как церковь? Почему церковь? Детдома нет! Даешь детдом!

В коридорах собирали рабочих, беседовали, доказывали.

— Мы что, мы ничего, — говорили ткачи.

— Зачем она церковь, мы даже денег не давали. А где же вы были, товарищи?

За один месяц комсе удалось собрать полторы тысячи рублей на стройку детдома. Комсомол поддерживала партячейка, фабком. Общественность ветрепенулась.

В местных газетах началось кампания против постройки церкви.

Началась проверка поповских дел: на общем собрании рабочих выступали подмастерья и прядильщики:

— Не ладно здесь дело, товарищи! Опутал поп, сжулил, подлогал!

Посмотрели списки верующих. И что же оказалось. Из двух с половиной тысяч верующих: 200 человек записано без их ведома, 300 человек несовершеннолетних, 35 человек умерших и даже в православные попали два магометанина.

Увидели за спиной попа классовых врагов, жертвователей на храм божий.

Ух, как закипели казармы! Обман! Жутьничество! Боговы шулера!

Подтели резолюции в УИК, ГИК, ВЦИК.

11 июня президиум ВЦИК'а по завлечению рабочих фабрики отменяет свое решение о церкви. Церковь не будет построена.

Комсомолцы и фабричная общественность получили дельовой урок: когда запылаем мы, не дремлет классовый враг.

Павел ЛОСЕВ.

Владимир.

Рассадники поповских предрасудков под культурные нужды. Церковь в г. Тейкове, превращая площадку такташтыков в театр.

Колокола — металлургической промышленности! Крестьяне села Старые Бурасы сняли с церкви колокол весом в 2 тонны.

ЦЕРКОВНЫЙ СИНЕБЛУЗНИК

КОГДА Колька Федоров выходит на сцену, его встречает дружеский гул аплодисментов. Еще бы... Все взрослые строители, из разных городов сюда приехавшие, очень любят меткие частушки, распеваемые Колькой. В одной из спеца какого-нибудь подтянет как следует, в другой — бога не обойдет. Ну, и доставалось же господу богу от синеблузника Кольки. А бородачи-плотники, каменщики во время антрактов (перерывов) группками собираются, горячо беседуют, закуривая «скобы ножки», спорят о «Синей блузе». Однажды мне пришлось услышать такой спор. Рыжеватый, с большими серыми глазами, каменщик говорил:

— А мне эта, товарищи, верьте или не верьте, эта самая «блуза», лучше театра подходит, и лучше ей...

Его перебил другой, громадный плотник Дементий Иванович:

— И особенно Колька, тот, что «бога» разносит и в орех разделять умеет. А парень-то свойский, у меня он раньше в подручных работах, а теперь глядь и сам в плотника вылез.

Колька активным клубным работником слышет, «Синяя блуза» — дело Колькиных рук. Это он ее организовал, сам и руководит, хотя... Колька, по правде сказать, парень малограмотный, но зато он человек «развитой». Видать, за два года с «агам» работы в клубе сумел он порядочно, как у нас говорят, насобачиться в политике. Но одно не ладилось у Кольки — комсомольские обязанности.

За плечами у Кольки Федорова — ровно год комсомольского стажа, и комсомольский билет, самый настоящий, в блестящей желтой папирочке, с Ильичом — всегда лежит в боковом кармане его куртки. Но беда вся в том, что числится в том «билете» за комсомольцем Федоровым неуплата членских взносов за... семь месяцев.

«Я договорился с секретарем ячейки, — заявляет Колька — и он мне отсрочил на другое время». В действительности же Колька плакался перед секретарем ячейки, что купить ему пальто надобно, а денег нехватает. И секретарь дал ему отсрочку на несколько дней, но это было еще тогда, когда у Кольки была

лишь трехмесячная задолженность. Комсомольские собрания посещать! И такого пункта в обязанностях комсомольца Колька также не усвоил.

★

Свадебная процессия промчалась по главной улице. С шиком прокатилось по мостовой полдесятка фатов, переполненных людьми. Звон колокольцев на лошадиных упряжках крепко спорил с веселым визгом гармошки всю дорогу до Спасской церкви. Венчальный обряд прошел с подъемом. Церковь наполнилась пришедшими поглазеть на почти невиданную комедию «старинного» венчального обряда. И старый «батюшка», зычным голосом констатировал:

— Посещаемость сегодня на 120%.

— Молодые люди, — продолжал «батюшка», — начинают все больше и больше наполнять храм божий, так что теперь загсам навеки пусто-вато.

Повидимому «батюшка» плохо в процентах понимал, но в «успехе» он не ошибся.

Разве не успех для церкви, чтобы роль шафера на религиозной свадьбе исполнял комсомолец? Этим комсомольцем оказался Колька Федоров.

Через пару дней в комсомольской стезе газете «Красный строитель» появилась заметка «очевидная» под заголовком «Старший шафер». В заметке сообщалось, что комсомолец Федоров Колька принял участие в религиозной свадьбе в качестве старшего шафера. На свадьбе Федоров был вдребезги пьян, и его пришлось на извозчике отправить домой.

Об этой заметке доведаясь «сам герой» Колька и решил проверить ее правдивость. Вечером, войдя в комнату ячейки, он прямо направился к газете.

Гм... старший шафер... пробормотал Колька и, обернувшись к сидевшему у столом мишке Юрину, грубым голосом закричал: — Какая сволочь это писала, разве я был старшим шафером?

— Ну так ты был младшим, — ответил ему Юрин, — разве это тебе не все равно?

— Да какой дурак скажет, что это все равно, что «старший» — что «младший», — го-

Побежденный «зеленым змием». В ночь на 21 октября в Свердловска задорный пьяный, бунтующий поп лузинской церкви — Рогожин П. В.

ричась, стараясь убедить секретаря Колька.

★

Сегодня собрание ячейки. Четвертым вопросом повестки дня стоит: о поведении комсомольца Федорова. Комната ячейки переполнена. Сюда пришли и беспартийные рабочие, узнавшие о «церковном» безобразии.

Но не было самого Кольки Федорова. Юрин рассказывал собравшимся, что два раза вызывался Федоров на бюро. Но он не соизволил явиться.

Первым взял слово плотник Дементий Иванович. Вот что сказал Дементий Иванович: — Обманул нас, товарищи, наш синеблузник — Колька. Сам он нас на сцене супротив божеств разных агитировал, за это ему больше спасибо. А как же он сам поступает? Что скажут другие товарищи рабочие — когда...

После Дементия Ивановича говорили комсомолы. Один оратор сменял другого, и все твердили по одному: Кольке в комсомоле не место. Никто в защиту Федорова не выступил. В протоколе было зафиксировано постановление собрания: «Федорова Николая из комсомола исключить».

Киев.

Борис Левин.

Вопросам антирелигиозной пропаганды посвящен ряд недавно выпущенных книжек. Рекомендуем их внимательно читателям:

И. Я. ЭЛИАШЕВИЧ. — Религия в борьбе за рабочую молодежь. «Прибой», 1928 г. Стр. 73. Ц. 25 к.

А. П. МАРИНСКИЙ. — Против попов и святцов. ГИЗ, 1928 г. Стр. 99. Ц. 35 к.

С. ГОЛОСОВСКИЙ и Г. КРУЛЬ. — На рак скажет, что это все равно, что «старший» — что «младший», — го-

Ал. КЛИВАНОВ. — Илассовое лицо советского сектантства. ГИЗ, 1928 г. Стр. 102. Ц. 35 к.

В Дарвинском музее. Молодежь слушает лекцию об эволюционной теории.

ПОД ОБСТРЕЛ!

ПО СТРАНИЦАМ АЛЬБОМОВ

Милая моя Рыбка
не забудь меня
Коллекция 25/10/28

Альбомы с записями «на память» были до революции признаками элитности. Этого обычая придерживались люди с мясницкой психологией, гимназисты и гимназистки, честно совмещавшие учебу с «мурами», старые девы, утешавшие грусть о безвозвратно ушедшей молодости «теплыми» строками промелькнувших «ухажеров»...

В наши дни эта традиция продолжает кружить головы некоторым юношам и девушкам из провинциальной молодежи.

он прочел заглавные буквы сверху вниз и обнаружил слово ТЕБЯ. Мещанская знаешь и любовь, потребовалась «конспиративная» шифровка...

Комбинированные «афоризмы» встречаются и дальше.

Знакомые девушки дарили Абраше свои фотографические карточки, сопровождав их длинными посланиями. Участие противоположного пола в альбоме значительно, оно чувствуется в каждой странице.

Он не задумывается над возможными последствиями такого «сборника». Для Абраши цензура и общественное мнение — ерунда. В самом деле, на каких основаниях ему, комсомольцу-интернационалисту, протестовать, если знакомый по несознательности — антисемит. Все придет своим чередом. Настает время, и он сам поймет значение интернациональной солидарности.

А пока, как не позволить такому другу, как В. Дорошевич, у которого хватает наглости подым именем и фамилией подписаться под своей «стрипель», занести в альбом такие строки:

Хайна — сее, пою — Абрам...
...Хайна — проф. Мошна — ааа,

Дорошевич стонет от засилья евреев в революции. Он жаждет, чтобы «бедные евреи не верят в закон библейского Моисея», закон черты оседлости, авченок и корчи. Pogromная частушка 1919 года не устарела для В. Дорошевича в 1928 году, и он не нашел другой записи для альбома товарища, а комсомолец Абраша Левинсон не набрался смелости протестовать против этого. Да и зачем? Еще обвинять в патриотизме.

Не последнее место занимает в альбоме похабщина. Под соусом анекдотов приведены самые наглые и мерзкие подробности

Многие дискуссии в комсомоле о быте молодежи как-то прошли мимо альбомов.

*Всегда влюбит свой улей
Перелетит стрелы
И забавай огонь отрастает
Водою воздержания
Для милых дай им от вей*
28/10/28

Вот «перлы» этого жанра:

Дарю тебе на память
Карточку свою,
Храни ее бережно,
И тебя прошу!
Когда альбом отерешь,
Увидишь ты меня,
Ты когда-нибудь вспомнишь,
Как любила и тебя,
Теперь и узнаю!
И не забудь никогда,
Так оставим друзьями
С тобою навсегда.

Другие писали:

Ноет ли сердце,
Плачет ли гр. д.,
Посмотри на карточку —
И меня не забудь...

Встречаются и такие «скромные» прощобы и «оговорочки»:

Я писать красиво не умею,
Альбом украсит не могу,
Много требовать не смею,
Но не забудь меня - прошу.

Абрашу уважают, добиваются его внимания, умоляют...

Лети, лети письмо,
Прямо к Абраше в окно,
Если будет ему неприятно,
Лети ко мне обратно...

Абраша не отвергает, Абраша принимает все, что хоть мало-мальски возвышает его.

Не всем удается добиться взаимности Абраши. Одна из разочарованных заносит в альбом куплет романа.

Стаякчики граненые
Узнали со стекла,
Покинул меня милый,
Покинул навсегда.

Поэтическая логика — дар не каждого. Те, которые не могут писать стихами, составляют посвящения и пожелания, переспая их лозунгами нашей эпохи.

Я не Пушкин и не Крылов,
Чтобы писать тебе стихов,
Я напишу тебе несколько слов:
«За рабочее дело будь готов!»

Абраша Левинсон — комсомолец. И эта запись как будто вполне соответствует его убеждениям: он солдат революции, и «рабочее дело» должно быть основным делом в его жизни.

Но тот же Абраша Левинсон — неразорванный, он позволяет заносить в альбом все, что взбрдет на ум тому или другому писаке.

Пусть простит мне Абраша Левинсон за злоупотребление его доверием. Он шелкнул передо мной своим «строго-коллекционированным» альбомом, дал посмотреть и оценить. Я считаю недостаточной свою личную оценку и выношу на суд общественного мнения молодежи наиболее острые места из этого альбома.

Романтизм, грязь, мерзость, похабщина, антисемитизм — все смешалось на разноцветных листочках обемстого Абрашиного альбома. Начал его Абраша в 1925 году, когда ему было 17 лет, и не остановил, даже вступив в комсомол.

Характерно «предисловие» альбома:

Не герь тому, кто здесь написав,
В альбоме редко кто не пишет,
В альбоме и в любовно листочек,
А сердце холодно, как лед...

Несмотря на пессимистическое предубеждение автора предисловия, альбом продолжал заполняться самыми разнообразными записями.

На первом листе конечно романтика:

Ты хочешь ввать, кого люблю я,
Его не трудно отгадать,
Будь понимающей, Абраша, читая,
Всё ей не могу сказать...

Вся «внимательность», которая требовалась от Абраши, заключалась в том, чтобы

*Менская красота
подобна сахару, желтая иная
как шквал.*

В. Андрусов

1926 7/1. у Зими

Убери чужих — Погибли мечты!...

Н. П.

ср. 10. 1928

родской молодежи. Альбом он бросит, оставит, но это не снимает с повестки дня вопрос об альбоме.

Альбомов много еще сохранилось, их нужно изъять из быта дружным осуждением всей молодежи, и думается, что Абраша Ленинск присоединится к этому предложению.

Не так ли, Абраша?..

Наум Дубилет

Киев

Любовь безумный звук
Любовь на свете нет.
(из Мадона) К. Ж.

Ч Е М П И О Н Ы

КОЛЬКА К., окончивая II ступень, отличался от прочих ребят разве только тем, что чаще других вызывал его в канделябри школы, и заведующий делал выговор за разбитые футбольное стекло во дворе школы. Ежедневно после окончания уроков Колька до-темы гонял с ребятами сделанный из тряпок мяч на пустыре позади школы. По воскресеньям он целыми часами виснул на высоком заборе футбольного поля Трегровка, наблюдая матчи и громко выражая свой восторг по поводу побед и поражений... Это было 4 года тому назад.

Сейчас Кольку не узнать. Он — чемпион и не мало способствовал победам и славе своей команды. Работает слесарем, член бюро ячейки комсомола, староста клубного кружка физкультур. Сколько переменах он этих кружков, во скольких клубах состоял! Ничего удивительного нет: рыба шлет, где глубже, а футбол — где платят лучше. Как чемпионом, он пользуется большими преимуществами в кружке: курит на тренировках, никогда не посещает обязательные для всех физкультурников занятия гимнастикой. Другого давно бы уж исключили за появление в клубе в пьяном виде и за ругань, а ему — ничто, все сходит с рук. Не хочет правление клуба ругаться с командой футболистов — своей гордостью и источником дохода.

Однажды юнсекия решила устроить вечер молодежи, посвященный пропаганде-физкультуры. После доклада врача предполагалось выступление физкультурника, который должен был показать свои достижения. Физкультурники потренировались в новых майках сзади выступлений. С трудом выкалывала юнсекия на это 50 рублей у правления. Юнсекия надеялась привлечь к физкультуре не один десяток молодежи после вечера, гвоздем которого было выступление физкультурников. Уже был приглашен лектор и расклеены афиши и физкультурные лозунги. Председатель юнсекии предложил Кольку, как старосте физкультуркружка, быть готовым к выступлению.

— А сколько, — тут Колька сделал выразительный жест, каким в старое время чиновники намекали на взятку.

— Что? Деньги?! — изумился предюнсекии. — Да имеешь ли ты право требовать со своих?..

— У нас тренировка к состязанию, не можем выступить, — невозмутимо сказал Колька и пошел прочь.

— Задом что ли мы вам майки-то купили?! — как последний довод вырвалось у преда.

Вечер был сорван.

Не раз пыталось правление привлечь физкультурников к участию в клубных загородных экскурсиях-прогулках, но Кольку не ехал, увлеченный еженедельными состязаниями и тренировками. Однажды Колька все же согласился, но предъявил правлению ультиматум: оплатить всему кружку проезд туда и обратно по железной дороге. Согласился правление: надо хоть раз показать рабочим, что кружок существует, что не даром культуркомиссия тратит средства на физкультуру.

Приехали, расположились группами на траве... Драм-кружковцы соорудили наскоро эстраду для выступления, стрелки — неподалеку в овраге.

Актив физкультуркружка, одержав победу во время штурма единственного буфета участниками экскурсии, расположилась на берегу речки в тени куста. На траве стояла дюжина бутылко лива — трофеи осадки буфета. Из карманов наиболее запасливых ребят появились красные головные бутылки, предусмотрительно захваченные из дому. Было очень весело. Никто конечно и не подумал захватить с собой такой мезанжий предрасудок, как рюмки и стаканы, — пили прямо из горлышка. Кто-то внес предложение — итти топить купавшихся у другого берега речки девчат. Предложение было встречено с восторгом. Но выпитая водка свином наила ноги и голову. Вскоре большинство уже дремало.

Стрелковый кружок, исходя из того, что каждый гражданин, а тем более физкультурник, должен быть готов к обороне страны, внес постановление: предложить физкультуркружку изучить теорию и практику стрельбы из винтовки и пистолета. Постановили на обсуждение кружка.

— Да я первый не стану изучать! — возмущился Колька. — Зачем это мне? Я и в армию то не собираюсь итти...

— А почему это ты не собираешься в армию итти? — поинтересовался кто-то.

— Не возьмут — сердце большое и легкие не в порядке у меня...

«Вот так физкультурник», — изумился читатель, но пусть он подсужает дальше.

На последнем медосмотре врач категорически запретил Кольке пить и предложил поменьше курить и не увлекаться чересчур футболом. Но разве может Колька потерять свою славу чемпиона? И как не выиграть после матчей? Каждую победу надо обязательно «спрыснуть», так уже заведено.

Однажды по заводу пролетел слух: Колька попал в состав «сборной», едущей в Латвию. Все завидовали и поздравляли. Когда же узнали из газет о победе наших футболистов — авторитет и слава Кольки поднялись на 300%.

В физкультурном кружке тем временем осталось мало народа. Взрослых там никогда не было, а за последнее время перестало посещать и большинство молодежи. Массу молодежи отлучивала слишком высокая «квалификация» спортсменов, их свогизбательные «достижения». Она не шла в кружок, боясь насмешек и пренебрежительного отношения со стороны чемпионов...

Неожиданно вернулся из Латвии Колька, поразив всех своим «заграничным» видом. На нем был заграничный костюм и пальто с котиковым воротником шалью. На вечерке по случаю своего возвращения он сказал одному своему другу, поблеснивая лаком желтых «дымчип», что думает бросить производство и целиком отдался спорту... Друг перевел глаза с его блестящего костюма на свою скромную юнгиуртовку и тяжело вздохнул, завидя его славе.

Максим Зоркий

Физкультурники... расположились... в тени кустов.

ЧЕЛОВЕК С КИНО - АППАРАТОМ

Глаз оператора.

Мальчик.

В БЛИЖАЙШИЕ месяцы на экране поступит новая картина «Человек с кино-аппаратом». Она уже прошла на общественных просмотрах и это позволяет нам предупредить появление картины предартильным отзывом. Ряд особенностей, выделяющих фильм «Человек с кино-аппаратом» среди других

Витрина.

картин, пожалуй даже требует такого предупреждения зрителя.

«Человек с кино-аппаратом» не является картиной молодежной по теме; но ее установка на зрителя, не оравенное какими-нибудь эстетическими шаблонами, и то внутреннее эмоциональное ощущение молодости, которое вызывает у зрителя ее демонстрирование, позволяют нам поставить вопрос о ней именно перед молодежью, и в будущем будет

интересно услышать мнение молодых зрителей о ней.

Нас — молодежь — часто упрекают в пристрастии к Гарри Пилло, к нехудожественной кино-авантюрной культуре. Может быть это и имеет основание, но это не лишает нас права все же поставить вопрос о кино-вкусах, по крайней мере, о положительных вкусах передового, сознательного зрителя из рядов молодежи. И на примере «Человек с кино-аппаратом» — фильмом дискуссионной по ее смелости и принципиальной противоположности обычным «игровым» картинам — этот вопрос о вкусе можно наиболее ярко продискуссировать.

Что же такое «Человек с кино-аппаратом»?

Несколько параллелей и сравнений. Недавно по экранам прошла, а в ряде районов вероятно идет и сейчас, картина «Стеклопленный глаз»; эта была фильма, раскрывающая зрителю возможности кино, возможности поймать через «стеклянный глаз» объектива самые разнообразные и казалось бы трудно-уловимые моменты жизни: от обезьяны-самки, кормящей детеныша в тропических зарослях, до показа живого человеческого сердца. Такой отход от выдумки и искусственности к действительности, к конкретному бытию сближает картину «Стеклопленный глаз» с фильмом «Человек с кино-аппаратом». Но, поскольку режиссеры «Стеклопленного глаза» органичались только механической склейкой ярких кусков, не имеющих между собой внутреннего единства, постольку велико расстояние между этими двумя фильмами и значение их не одинаково.

Наш кино-фронт далеко не един. Наряду с такими картинами, как «Броненосец Потемкин» (Эйзенштейн) и «Потомок Чингис-хана» (Пудовкин), в которых глубина и социальная острота замысла сочеталась с яркой реальностью и безукоризненным техническим выполнением; наряду с отдельными игровыми фильмами, свежо подающими современный советский быт (назовем хотя бы «Два друга, модель и подруга»), мы

имеем бесконечное множество так называемых «драм», они давят на зрителя отжишим строем чувств и тою красотью обстановки, в которой более всего другого сказывается чуждая нам и художественно-реакционная попытка оживить буржуазную эстетику (напр. «Известия» Эггерта — «Хромой барин»).

Динга Вертов — постановщик «Человека с кино-аппаратом» возглавляет группу кинематографистов, ставящих основной задачей киноработу над подлинной жизнью. Вертов прорывает с литературной, с вымыслом в игровой фильм, однако это не означает, чтобы он отошел к хронике. Он не отказывается от художественного образа. Томя традицию игровой фильму, он, может быть неожиданно для себя, создает новую форму игровой фильму.

«Человек с кино-аппаратом» — картина без единой надписи и без какого-либо литературного сценария. В ней режиссер и оператор осуществляют их собственный замысел, их встречу с жизнью, а не иллюстрируют кадрами какой-либо рассказа.

Перед зрителем проходит особый монтаж кадров, который вызывает ошеломляющее в первую минуту впечатление. Зритель как бы впервые слышит язык кино в его чистом виде и выражается его вынужденно и изобразительно мощью.

Заостренная кинематографичность «Человека с кино-аппаратом» передает зрителю совершенно особенное содержание, которое не поддается пересказу.

Дефектом фильма является недостаточная социальная заостренность, отвличность показа жизненных процессов без достаточного упора на советский быт.

Николай КОП

Карусель.

Мастерская моделей.

О ЧЕМ ПИСАТЬ НА КОНКУРС „СМЕНЫ“?

ОБЪЯВЛЕННЫЙ редакцией журнала «Смена» всесоюзный конкурс на лучший рассказ и художественный очерк ставит большую задачу — привлечь и помочь молодежи писательские силы к созданию художественных произведений, рисующих жизнь и быт молодежи.

Это не значит конечно, что в конкурсе не могут принять участие писатели и журналисты-очеркисты, более опытные, известные уже по своим произведениям широкому кругу читателей. Их участие в конкурсе очень желательно. До сих пор «еубленные сединами» и «увенчанные лаврами» писатели и очеркисты в своей работе уделяют очень мало внимания темой о молодежи. Если их внимание и привлекается иногда к быту молодежи, то оно носит нездоровый характер — все проблемы молодежи сводятся к половой проблеме, — проблеме, достаточно уже надевшей.

Это не значит, что к-ри-му-у взаимотношения юношей и девушек в комсомоле не должны совершенно затрагиваться в нашей художественной литературе. Весь вопрос в том, как, под каким углом зрения показать эти взаимоотношения, не сводя при этом проблему на первый план, не выходя за пределы всего круга интересов рабочей и крестьянской молодежи. Не половая проблема доводит над всеми запросами молодежи,

но занимает свое, соответствующее ее удельному весу и важности, место.

Тем же для произведений, рисующих жизнь и быт молодежи, кроме половой «проблемы», с ко-ль-ко-у-го-д-и-о. Только нужно поглубже копнуть писателям, не побояться «серьезной» работы и не стремиться исключительно к легкой «славе» романтика физиологических запросов нашего молодняка.

Взять к примеру комсомольскую работу — сколько тут тем, тем не «борьбистических», тем не комитетских. Не обходятся работы комсомольских комитетов (циркуляры, заседания, сунетия совещаний) нужны. Работа комсомола настолько разнообразна, имеет такое огромное количество разветвлений, форм, методов. Взять к примеру напряженную борьбу рабочих комсомольцев на хозяйственном фронте — за снижение себестоимости, за повышение производительности труда, за прогламы, за бюрократизмом (ударные бригады, изобретатели-комсомольцы, «легкая кавалерия», огромную работу по борьбе с комсомольцами по поводу урожайности, за кооперирование, за коллективизацию, за революционную законность, переводы советов и т. д.

Классовый враг, правая опасность, борьба в комсомоле с правым уклоном, особенно опасным сейчас, и «леням»

уклоном, борьба с классовым врагом, проникшим в комсомольскую среду, борьба с мелкобуржуазным влиянием на молодежь — вот, от-че-нь-ва-ж-н-ы-е-те-мы для их отображения в художественной форме (очерк, рассказ).

Взять также жизнь и быт молодежи до и после работы на производстве или в поле (в деревне) — как проводит свое свободное время молодежь — в семье, в клубе, на вечеринке. Товарищество, учеба, физкультура, чтение и т. д., культурный поход — сколько здесь тем.

Конкурс, устраиваемый журналом «Смена», должен привлечь внимание писателя и очеркистов к этим темам, до сих пор к сожалению очень редко затрагиваемым.

Не мешает при этом помнить пожелание Н. С. Сидинич, выраженное ею в своем приветствии к пятилетию журнала «Смена» (№ 4 за 1929 г.) — не только описывать те или другие недостатки в жизни и быте молодежи, но и показывать достижения и молодое строительство в городе и в деревне.

Условия всесоюзного конкурса на лучший рассказ и художественный очерк, на тему «молодежь в социалистическом строительстве», объявлены в № 5 журнала за 1929 г.

Н И Ж Н Я Я П О Л Н А

Н. ВИТЯГИНСКИЙ и Б. ГАЛИН. — Встремившись. Изд-во «Молодая гвардия», 1929 г. Стр. 48, ил.

Эта небольшая книжечка имеет свои особенности, выделяется — ее среди других изданий, посвященных рабочему и молодежному кругу. Витягинский и Галин, в отличие от других авторов, не сводят задачу перед собой, через установившийся шаблон «бытовых» очерков и сделали это успешно. Часто преобладающим в этих очерках является не материал, а способ его, за счет интимного, повествовательного, выходящего за пределы очерка, его переживания.

мное название авторов, что «психология старого токаря, комсомольца-качки наших дней не имеет смысла, тем не менее Бертра или у пушкинской Татьяны». Мы рекомендуем внимание читателей эту, повторим, небольшую по размерам, но значительную по ее содержанию книжечку. В. Л.

ЦЕТРО ПАЧ. — Голубые анисы. (Рассказ). Перевод с украинского А. А. ХОМЕНКО и Н. М. РУДИНА. Изд. «Федерация» — Арт-Айс, писателей «Круг», Москва, 1929 г. Стр. 469, К. 2 р. 30 к.

(Книга получила наибольшую Октябрьскую премию на Украинском художественном конкурсе 1927 года).

Среди бесчисленной переводной литературы, заполнившей наш книжный рынок, особый интерес представляет литература наших братьев-советских республик.

Почти в последние дни менее всего переводилось именно оттуда, несмотря на наличие там первоклассных поэтов и писателей.

Этот пробел стал теперь широко заполняться издательствами, и вот перед нами новая изящно изданная книжка рассказов П. Пача, все выходящая из цикла, посвященного жито и анису, несмотря на то, что по существу они являются в большинстве своем двинковскими анекдотами.

Четыре события, рецензируемые нами, касаются разных частей 1905 года, войны, империалистической и гражданской, современности. Давно забытые казались бы темы здесь неуместны — фразы наизусть обрамлены, положения и действия героев ясны и убедительны.

Так, в повести «Без козляра» правдиво рассказано о провинциальном сознании бесчисленного множества солдатской бойни, разлукой уже к кону и не приносящей никаких существенных результатов как для той, так и для этой стороны, и в среду офицерства — фразы наизусть, инертность состава командования старой царской армии.

В повести «Голубые анисы», давшей заглавие всей книге и лучшей в сборнике, рассказывается о разложении солдатских Пестроуновских банд белого офицера и о героическом произведении в среду враждебного лагеря молодого пропагандиста-коммуниста, удачно связавшегося со своей задачей — нанести на ложный след пыльную ораву казаков и офицеров, посланных на борьбу с красными!

Мастерство в переводе образов и отпущенный талант художественного писателя в нашу переводную литературу и обеспечение ей широкого круга читателей.

Т. М.

А.И. АЛТАЕВ. — Когда разрушатся дворцы. Исторический роман из эпохи Великой Французской революции. Издательство «Смена». Рисунки художника К. Н. Фридерика. М., Г. Гольдшнейдер, Изд. «Молодая гвардия», № 1, 1929 г. Стр. 120, ил. 2 р. 10 к.

А.И. Алтаев — талантливый писатель, участвовавший в Великой Французской революции. На одном историческом фоне конца XVIII века автор строит замечательный сюжет.

В центре — молодые братья Шарль и Клод Перьер — сын бедняка, второй — герцога. Другою жизнью в детстве, они пошли по разным путям, хотя и встречались временами на одних и тех же перекрестках. Оба они участвовали в революции, но Клода стигнула его половичатость; Шарль же доблестно и ненавидя существующий порядок вещей; на ненависть в бою его толкнул невольный испуг, бедности, главным образом арест отца. Но потом и Шарль запутался в вопросе — где истинная свобода — в революции или в парижх. Именно это и романе наименее оправдан. Не плохо рисует отдельные персонажи, которые заманивают, автор не всегда убедителен в описании их поступков.

Временами же читателю кажется, что решает не о французской революции, а о нашей. Такому восприятию способствует язык действия, описаний. В нем много «русских» словечек, которые вряд ли так уж характерны для описываемой эпохи. Стараюсь сделать свою вещь наиболее популярной, автор недооценивает читателя, предлагая ему развлекательную и переживательную эпиту — ко-де-го слишком уж примитивные авторские посылки.

Однако широкий читатель может почитать более или менее выжидательно, работая на Великой Французской революции, о ее деятелях. Немало внимания уделено Марату. Он дал не только имя, в нем много «русских» словечек, больше и мадам, как всегда, ему присущих, делает облик Марата правдоподобным.

Освад и Марию Бастилию, многочисленные повести и собрания, борьба между якобинцами и жирондистами, о том, что, перефразируя, возбудит живой интерес.

Томас Альтена может послужить толчком и наиболее толково описано в главе «Двадцать летми провинциальными и историческими работами, просвещенными Великой Французской революцией».

Может однако указать, что цена книги (2 р. 10 к.) слишком высока.

В. Г.

деарог и узкими изображением «рабочих» — Витягинский и Галин изображают вневосредственно и примателем вучеческой среде, удачно точно передать в слове ее характеры, и что, о особенно ценно, умелый показ человека, его переживания.

Авторы очерков «В каморках» размышляют порочный круг приспособления и выживания в описании рабочей психологии и необходимости — в отдельных случаях совсем малыми — зарисовками — достигающей удельной глубины, чем это удается сделать иным авторам романов на многих десятках страниц. Рабочая казарма, ее утра и вечера, ее обстановка, ее молодежь, и та особая молодость, которой отмечена психология пролетариата как класса, слышит в их очерках сердцевины и примателем вучеческой среде, удачно точно передать в слове ее характеры, и что, о особенно ценно, умелый показ человека, его переживания.

И молодежь — Миша Силч («Бесполовый человек»), председатель бытовой комиссии, идущий на приступ дикого быта «Глади Явиза» («Дети») — этот подлинный революционер будней, и старик — рабочий Шанель («Борьба с молодежью») — знающий своего антагонист; рабочий Одинов («Струны Одинова»), испытывающий радость от общения с новой своей жизнью, выходящая с охватывающей страсти алью оторою. Очерки «В каморках» по внутренней глубине, правдивости зарисовки оправдывают програм-

ПОПРОБУЙ И ТЫ!

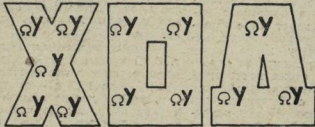
Под редакцией С. ГЛАЗЕРА
№ 18. ФЕВРУ

ШАШКИ

Под редакцией В. В. Медкова
2-й конкурс решений задач и этюдов

Задача № 3 (19)
М. РАВИНОВИЧ (Дятьково)
Печатается впервые

Этюд № 5 (23)
В. И. СЕВАСТЬЯНОВ (Козлов)
Печатается впервые

Прочтите лозунг (решение — 2 очка).

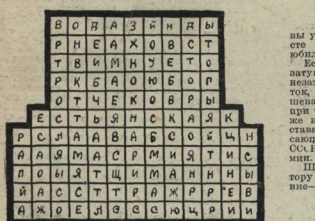
№ 14. ГОЛОВОЛОМКА

(Для начинающих).

Разрежьте данную фигуру лезвием на части одинаковой высоты, имеющие форму русских букв, из которых сложится фамилия одного из вождей Красной армии.
Шура Хаскин (автор) — 4 очка, решение — 4 очка.

№ 15. ГОЛОВОЛОМКА

Затупите буквы в 54 клетках так, чтобы остались 87 букв при чтении их по горизонтальным рядам составили бы поправленные Красной армией провозглашение своей волей. Из затупенных клеток

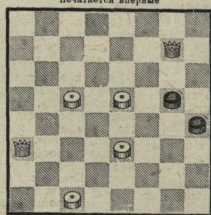
вы узнаете о возвращении подразделения бойцов.
Если же, наоборот, затупить 87 ранее неутопленных клеток, то ранее затупленные 54 буквы при чтении их в том же направлении составят две фразы, касающиеся обороны СССР и Красной армии.
Шура Хаскин (автор) — 8 очка, решение — 2 очка.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

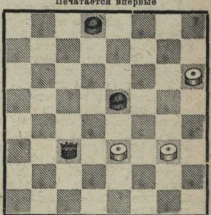
„СМЕНА“

Редакция: Москва, Центр, Новая площадь д. № 6, тел. 1-81-01
Контора: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., д. 6, тел. 5-67-03
№ 6 МАРТ 1929 год

СОДЕРЖАНИЕ: А. СОЛОВЬЕВ и В. ШАПКИН — Стихотворения. А. ШАПОВАЛОВ — Первая тюрьма (воспоминания). В. ДМИТРИЕВ и Н. БОГДАНОВ — Александр и Александра (повесть). Н. БЫРЛОВ — Нефть у моря (очерки). В. УЗЬСОН — Легкая кавалерия в действии. П. ЛОБЕВ — Когда мы дремлем. Б. ЛЕВИН — Черный символы. ПОД ОБСТЕЛ: Л. ДУБЫЛЕТ — По страницам альбомов: М. ЗОРКИЙ — Чемпионы.
НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ. КНИЖНАЯ ПОЛКА. В МИРЕ КИНО. СТИХОТВОРЧЕСТВО. ПОПРОБУЙ И ТЫ. ШАШКИ.

Велые: Д, а3, г7; ш. сл, с5, е5, е6 (6)
Черные: в, в5, h4, . . . (3)
Велые и черные могут играть простую черным.

Белые: в, в5, е5, в6 . . . (3)
Черные: Д, с6; в, е5, е6. . . (3)
Белые могут играть и делают ничью.

Настоящим отделом заканчивается наш второй конкурс решений шахматных задач и этюдов.

В следующем отделе будет объявлен 3-й конкурс решений шахматных задач и этюдов. Товарищи! Хотите принять участие в новом конкурсе, сообщите о своем желании участвовать в конкурсе по адресу редакции „Смена“ по обязательной приписке: „В отделе шахек“.

ПАРТИЯ № 2 ГОРОДСКАЯ

Игра по переписке в 1928 г.
И. М. Демосфенов (Белые) К. И. Крушин (Черные)
1. с3—d4 d6—e5
2. b5—c6 f6—e5
3. c3—b4 e5—b4
4. b4—d6 e7—c5
5. e3—f4 g7—f6
6. d2—c3 d8—e7
7. e1—b2 f6—g5
Лучше было? . . . b8—g7 могло быть следующее интересное продолжение: 8. d2—e3, h4—f5; 9. e1—b2, c3—b4, b6—b5; 11. d4—b6, a7—c5; 12. g1—f2! (независимо 12. e3—b4 либо после 8: c3—b3, b2—b6 последует

b5—c7; 14. b6—d5, d5—e5; 15. f4—d6, e7—e5; 16. d5—e5, b5—c6 и черные выигрывают; а5—c3; 13. b2—b6, d6—e5; 14. f4—d6, e7—a7 и партия равна.
8. f2—g3 h4—f2
9. e1—g3 e7—c6
Немаловажно проигрывает. У черных остается ход в с7—d6, d5—h4 мы шансы на ничью. На 9. . . g3—h4 конечно последует 10. f4—e5; 11. e5—f5, e7—e5; 13. d4—a5 и белые выигрывают.
10. f4—e5 d6—b4
11. g3—h4 e5—e3
12. h4—f4 Слалас

ОТВЕТЫ ЧИТАТЕЛЯМ

Д. АРЕНС (Москва). В задаче идея хороша, но игра не интересна и все время черная дамка находится без движения.
Б. КОРЕШКОВ (Череповец). Ваше указание приемлемо и следовало.
В. ПЕДКО (Торжок). Задачами построения воспользуемся.
Ю. БИМДТ (Харьков). В задаче все выразить не удалось, но 1-й этюд решается многими способами, например 1. b6—f4 можно также b1—g5 и тогда выигрывает. Последний этюд очень хорош.
В. СЕВАСТЬЯНОВ (Козлов). М. МАЛЛЕР (Смоленск). Этюд будет печататься.
Ф. СТОЯНОВ (Турок). Ваш этюд № 1 очень хорошо выдуман, но, к сожалению, нам несколько весело возмущение достижения большим количеством ходов: 1. h4—e5, h2—a7; 2. a5—b4, b6—g5; 3. c3—d4, a5—e1; 4. c5—b6, e5—

4. e5—b6, d4—c3. Просим прислать более подробный анализ. В этюде № 2 неясно распадаются белые шахи. Задача пойдет. Наши поздравления.
М. РАВИНОВИЧ (Дятьково). Одна задача будет печататься. Другая по равным условиям не подходит.
В. ЗРУБОВЫМ (Ульяновск). В задаче № 1 у белых 12 шахов, что является существенным недостатком. Задача № 2 и № 3 не подходят.
Т. ГРИНОВИЧ (Влук). Решение правильное на последнем этюде № 15 (после 1. a5—b6 конечно нельзя ходить на d7—f6).
Б. СТАВРОУ (Тверь). Ответила письмом.
Л. ТУБЕРМАНУ (АМСР, Рашев). В вашей задаче только один вариант и в финале остались ненужные шахи с и е1.
И. БАХВАЛОВУ (В. Вешера). Концовка пойдет.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ „СМЕНА“ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ
Годовым подписчиком бесплатно прилагаются: 1) Повесть Н. БОГДАНОВА — Первая девушка; 2) Многокарточная картина.

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ: Журнал „СМЕНА“ № 1 год — 2 р., 6 мес. — 1 р., 05 к., 3 мес. — 05 к.

С 1 апреля до конца года — 1 р., 60 к.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Журнал „НА СУШЕ И НА МОРЕ“ № 1 год — 1 р., 45 к., 6 мес. — 75 к., 3 мес. — 40 к. С 1 апреля до конца года — 1 р., 15 к.
Библиотека „Жуточные водоросли“ (6 кни.) — 35 к.
Библиотека „Жутешиеся, приключения и краеведения“ (6 кни.) — 3 р.